

ГЛАВА IX

СЕКРЕТНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ, ВЫПОЛНЯЕМЫЕ ПОДВОДНЫМИ ЛОДКАМИ

Нужно быть очень опытным и ловким человеком, чтобы выполнить те военные задания, которые французы называют секретной работой. Во время Дарданельской кампании было очень трудно получить практическую информацию.

Союзникам удалось так начисто отрезать турецкую армию от морских путей сообщения, что одно время на всем полуострове оказался очень незначительный запас продовольствия и амуниции, так как единственным средством подвоза были воловые упряжки. Они тянулись на протяжении ста миль по единственной дороге, открытой для бомбардировок с моря.

В октябре 1914 г. союзники были уведомлены о том, что пролив от одного берега до другого покрыт минами и что минные поля непроходимы.

Несмотря на это, в декабре 1914 года помощник командира Норман Холбрук нырнул со своей подводной лодкой E-15 глубоко под густые минные поля и потопил в Константинопольской гавани турецкий крейсер «Мессудие». Лодка E-15 была, таким образом, первым неприятельским судном, проникшим в турецкие воды за последние 500 лет!

25 апреля 1915 года, подходя к Дарданеллам, австралийская подводная лодка AE-2 нырнула под минные поля. На борту у нее находился сотрудник контрразведки, которого нужно было высадить поближе к берегу. Подводная лодка благополучно прошла минное поле. Под покровом темноты сотрудник разведки доплыл до берега, толкая впереди себя маленький плот, к которому была привязана его одежда.

В течение пяти дней AE-2 крейсеровала по Мраморному морю и потопила две большие канонерки и много торговых неприятельских судов. 29-го числа того же месяца лодка взяла на борт союзного агента, который успел собрать много ценной информации. Но 30-го числа утром, к концу этого отважного рейса, подводная лодка встретила турецкий миноносец, который потопил ее после двухчасовой погони и борьбы.

Тем временем подводная лодка E-14 под начальством помощника командира Бойля нырнула на глубину 100 футов, почти под минное поле, потом смело вынырнула и, несмотря

на артиллерийский обстрел фортов, взорвала турецкую канонерку.

В июне Бойль совершил свой второй рейс; он длился 25 дней, в течение которых лодка потопила 15 неприятельских судов. К ней присоединились подводные лодки Е-12 и Е-7. Они установили настоящее царство террора, потопив в общей сложности 45 германских и турецких судов. Помимо того, они произвели большие разрушения шоссе и железных дорог вдоль побережья и добыли много ценных сведений, оставляя в пустынных областях побережья агентов разведки и снимая их оттуда через известные промежутки времени.

Приведу историю лейтенанта Лайэнса и его подводной лодки Е-2. Однажды утром на рассвете лейтенант бросился в море и поплыл, толкая впереди себя маленький плот. На этом плоту находились: заряд взрывчатого вещества, одежда для переодевания и револьвер. Лайэнс задался целью взорвать большой склад амуниции турецкой армии. Он должен был подать своему судну сигнал об успешном исходе операции сначала шумом взрыва, а потом выстрелом из револьвера.

Его товарищи, которые находились на расстоянии полумили от берега, с нетерпением ждали сигнала. Прошло полчаса, час, еще четверть часа. Вдруг ослепительное зарево осветило небо. Раздался оглушительный взрыв. Теперь стали ждать револьверного выстрела. Ожидание было напряженное, минуты казались часами. Рассвело, а о Лайэнсе ничего не было известно. Весь день подводная лодка курсировала по соседству, надеясь, вопреки очевидности, что с лейтенантом ничего серьезного не случилось. Но ожидание было напрасным. Лайэнс не вернулся. Его больше никогда не видели.

Таким же смелым, но более счастливым был лейтенант Дойлей Югс. Он плавал на своей подводной лодке близ берега целую ночь, выбирая удобный момент для того, чтобы взорвать железнодорожный мост.

Дойлей Югс буквально вступил в единоборство с турецко-германскими сухопутными силами, взрывая виадук на Берлинско-Багдадской железной дороге, около Стефани, где линия проходит близко к морю. Вот его история.

Подводная лодка, которой командовал Дойлей Югс, медленно шла вдоль побережья, все больше и больше приближаясь к тщательно охраняемому пункту. На вершине утеса, возвышавшегося над мелким отлогим берегом, вооруженные часовые и зоркие патрули охраняли виадук.

Уложив на маленьком плоту порох, одежду, револьвер,

длинный острый кинжал, переносный электрический фонарь и свисток, этот отважный офицер, толкая перед собою смертоносную ношу, отправился в половине второго утра в свой рейс разрушения.

Течение было очень бурное. Наконец, Югс добрался до берега под отвесными обрывистыми утесами. Продвигая и толкая ногой плот среди прибрежных водоворотов, он добрался до отлогого берега, откуда к виадуку вела дорожка через береговые утесы. К виадуку можно было подойти только со стороны этих усиленно охраняемых утесов.

Смелчак наскоро переоделся и, держа в мешке на плечах взрывчатое вещество, начал карабкаться на утес. Один неправильный шаг, шум покотившегося булыжника — и на лейтенанта был бы направлен безжалостный свет прожектора и ружейный огонь часовых. Наконец, он добрался до вершины утеса.

Тщательно завернув взрывчатое вещество, Югс взял в руки кинжал и стал осторожно продвигаться к предмостному укреплению. Вдруг из-за высокого валуна показались голова и плечи турецкого солдата... Миг — и кинжал вонзился в часового.

Пробираясь ползком вглубь, разведчик достиг предмостного укрепления. Тут его ожидало новое препятствие. При свете бивуачного огня он заметил большой вооруженный отряд.

Югс был глубоко взволнован, но от своей задачи не отказался. Вероятно, имеется другой доступ к виадуку. Лейтенант решил подождать некоторое время и передохнуть после утомительного восхождения на утес; может быть, какая-нибудь идея мелькнет в голове.

На конце виадука на протяжении приблизительно двухсот метров тянулся кирпичный мост, доходивший до суши и состоявший из трех пролетов. Можно ли было взорвать железную дорогу в этом месте?

В течение трех с четвертью часов он осторожно полз, неся с собою взрывчатое вещество, скользя под самым боком у турецкой охраны. Потом, положив свой материал под одну из арок, зажёл фитиль и направился к вершине.

Одновременно со взрывом вспыхнул ослепительный свет прожекторов. Загрохотали пушки, выбрасывая снаряды по всем направлениям. Югс направился к открытому морю.

Три или четыре турка заметили разведчика. Началась погоня. Преследуемый турками, которые всё время в него стреляли, Дойлей Югс стремительно мчался по направлению к морю.

Какое-то подсознательное чувство помогло ему добраться до берега и найти то место, откуда, согласно условию, он должен был сигнализировать электрическим фонарем о своем возвращении.

К своему ужасу он заметил, что потерял фонарь, и услышал шум все более приближавшихся турецких солдат, которые рыскали по утесам и по отлогому берегу в поисках беглеца.

Нельзя было терять ни одной минуты. Быстро приняв решение, он сбросил одежду, положил ее под скалу и пустился вплавь по морю. Он слышал, как его преследователи возобновили стрельбу, так как они нашли его одежду. Путь назад был отрезан.

Вода была холодная, как лед. Пробыть еще четверть часа в этом состоянии парализующего ооченения — значило обречь себя на верную смерть. Он еще плыл, наполовину потеряв сознание, как вдруг ему померещилось, что на расстоянии около трехсот метров от него проходит что-то похожее на парусное судно. Это, вероятно, турецкое судно, и тогда он погиб.

Вдруг послышался ободряющий крик:

— Алло, сюда!

Это была подводная лодка Е-11, которая ожидала своего командира. Лейтенант Доилей Югс был спасен.

Другим смелым подвигом, совершенным одним британским разведчиком, было курсирование вдоль Дарданелл по Мраморному морю в маленькой шлюпке, замаскированной под турецкое торговое судно. Этому разведчику удалось взорвать «Гайда Паша Асмера», груженный шестимесячным запасом военного снаряжения, предназначенного для германо-турецких войск.

Ярким примером, иллюстрирующим значение информации во время военных операций, может служить трагическая участь британской подводной лодки Е-20. По какой-то случайности французская подводная лодка «Тюркуаз», работавшая в сотрудничестве с англичанами, была вместе с командиром и всем экипажем захвачена турками. Находившиеся в ней документы были переданы германской разведке, которая получила таким путем много ценной информации и, в частности, узнала о том, что «Тюркуаз» должна была через два дня встретиться с британской подводной лодкой Е-20.

Германская разведка сообщила об этом по радио германской подводной лодке UB-15, находившейся в Черном Море. В день предполагавшейся встречи на рассвете Е-20 появилась на поверхности моря около Родоста. Внезапная атака,

грохот, и торпеда, пущенная поджидавшей подводной лодкой UB-15, послала ко дну английскую лодку.

Эта глава о победах и трагедиях на море будет неполной, если я не расскажу о покойном лорде Китченере, имя которого до сих пор вызывает страстные споры. Его образ приковывает к себе внимание даже после многих лет, прошедших со дня его трагической гибели.

Несмотря на все то, что было написано о последних днях Китченера, еще в ходу разноречивые мнения относительно обстановки и причин его гибели. Разрешите мне здесь изложить достоверную версию.

5 июня 1916 года, через четыре дня после Ютландского боя, крейсер «Хемпшир», имевший на борту лорда Китченера, отправился из Скапа в Россию. Как раз напротив Оркнейских островов судно наткнулось на мину и потонуло. Эта мина была частью минного поля, заложенного еще до Ютландского боя германской подводной лодкой С-75 по приказу адмирала Шера. Германская разведка знала, что английский флот обычно проходит восточнее этих островов. Минное поле было заложено на тот случай, если наш флот заподозрит присутствие мин на обычном пути и направится влево.

К сожалению, «Хемпшир» так и поступил, чего не мог предвидеть никакой разведчик. Сильный шторм дул с востока. Штаб Китченера сделал все, чтобы убедить лорда отложить поездку до успокоения моря, но Китченер оставался непоколебимым и не хотел слышать об отсрочке. Если бы не свирепые волны, можно было бы легко спасти лорда Китченера и большую часть экипажа, тогда как из-за шторма удалось спасти только горсточку людей.

Это событие тотчас же получило известность. Распространились слухи о смерти Китченера и даже легенды о его спасении. Поводом для этого послужил тот факт, что весть о катастрофе до Берлина дошла в 10 часов утра, а в Англии была опубликована лишь в 1 час 30 минут. На самом же деле информация запоздала из-за ошибки, совершенной премьером, отделом печати и адмиралтейством.

В 1921 году был показан фильм под названием «Как Китченер пал жертвой измены». Фильм демонстрировался перед аудиторией, состоявшей из членов парламента, пэров, представителей военного министерства и адмиралтейства и из двух сестер лорда Китченера.

Кинокартине была создана большая реклама. Говорили, что фильм покажет, как одна женщина предала Китченера и как

Германия, использовав Распутина, узнала, что Китченер должен был ехать на «Хемпшире».

Фильм подвергся резкой критике. Конечно, были люди, которые верили в правдивость его содержания, но одна из сестер Китченера заявила, что кинокартина является оскорблением памяти брата. Фильм был запрещен.

В 1926 году была сделана другая жалкая попытка ввести в заблуждение публику: одна воскресная газета напечатала рассказ о том, что тело Китченера было найдено на побережье Норвегии. Гроб с телом лорда якобы был доставлен в Англию.

Снова начались споры, и, наконец, в одном лондонском ежедневнике появилась заметка, в которой журналист писал: «Я выдумал всю историю о том, что нашли тело лорда Китченера на норвежском побережье».

Казалось бы, это должно было положить конец всем слухам.

В смерти лорда Китченера нет ничего таинственного. Власть высказали свое суждение. То же сделал и Джеллико в своей книге «Великий флот», которую нужно рассматривать как последнее слово о трагедии Китченера и о катастрофе «Хемпшира». В одной недавно опубликованной книге автор приводит личное письмо Людендорфа, в котором бывший германский главнокомандующий заявляет, что Германия не делала никаких покушений на жизнь Китченера. И, по-моему, это верно.

Дальше говорили, что наша разведка совершила ошибку; что за две-три недели до отъезда Китченера в Россию было известно о его намерении совершить этот рейс; что «Хемпшир» был взорван адской машиной, положенной руками шпионов; что германская разведка знала о предполагавшемся рейсе в Россию и что она выслала подводную лодку для того, чтобы подстеречь злополучное судно. Правда, германская разведка знала о предполагавшемся рейсе. Но она считала эту информацию маневром союзников, имеющим целью скрыть, что Китченер ведет операции на Дарданельском фронте.

ГЛАВА X

ШПИОНАЖ С ПОМОЩЬЮ САМОЛЕТА

На Западном фронте союзные летчики, выполняя специальные задания, на самолетах спускали разведчиков.

Французские летчики отличались высоким авиаторским искусством. Несколько примеров.

Герой пятидесяти трех воздушных сражений Гинемейер выполнял и ряд специальных поручений. Его деятельность причинила столько неприятностей врагу, что тот назначил премию за голову летчика, если его доставят живым или мертвым.

Однажды Гинемейер чуть не погиб около Вервенса. Он должен был спустить одного школьного учителя (который был через три дня выслежен и расстрелян врагом) и заметил два удобных для приземления места.

Одно поле было особенно удобно для посадки. Второе было хуже — неровное, усеянное мелкими холмами.

Летчик уже хотел было приземлиться на прекрасном зеленом поле, когда в глаза ему бросилась сеть блестящей туго натянутой проволоки вроде той, которую употребляют для ловушек. Германцы, очевидно, предвидели возможность посадки французского самолета на этом поле и приготовили прием непрошенному гостю.

Другой летчик Ведрин спустил около Ретеля французского солдата, которому было поручено наблюдать за поездами, за обозами и вообще за передвижениями неприятеля. Разведчик навестил свою жену, чем обнаружил себя, вскоре его выдали, и он был расстрелян.

Лейтенант Наварр спустил в распоряжение неприятеля другого французского солдата, переодетого крестьянином, под фамилией Борд. Этот разведчик оставался на оккупированной германцами территории около месяца, потом добрался до голландской границы и оказался в безопасности.

Спустившись около Мезьера, он имел в глубоких, специально выкопанных внутри жилета карманах почтовых голубей.

Когда он ходил вдоль неприятельских линий и по деревням, то всегда имел при себе своих пернатых друзей. Одна голубка по кличке Полина постоянно ворковала, ей начинал вторить голубь Виктор. Голубиные излияния могли выдать разведчика. Поэтому, как только француз замечал кого-нибудь, он принимался кашлять и чихать. Через некоторое время от частого повторения этой уловки у него заболела горлань. Тогда он обычно слегка ударял локтем по головкам голубей, приказывая им этим сигналом держаться спокойно.

— Мне было поручено получить информацию о мосте между Мезьером и Шарлевиллем, — рассказывал потом Борд. — После выполнения задания я хотел выпустить Полину, так как она была слишком опасна. Я добрался до места и наблюдал за германскими часовыми, которые проверяли доку-

менты всех штатских. После часа наблюдения я решил поставить все на карту и подошел к ближайшему германскому часовому. Я выбрал обеденную пору. Кроме двоих, все часовые, недавно стоявшие у входа на мост, оказались внутри будки.

Я встретился глазами с немцем. Его товарищ смотрел бумаги одного возчика, за которым я намеренно следовал. Часовой задал мне несколько вопросов на ломаном французском языке и, удовлетворившись, вернул мне мои документы. Но не успел я сделать и несколько шагов по мосту, как Полина заворковала. Сильно ударив ее локтем, я прошел по мосту, проталкиваясь среди немецких солдат, чихая и кашляя до появления слез на глазах. Полина все время ворковала. Не знаю, как я не попался с этой проклятой птицей.

На следующий день на рассвете, обвязав бумажку с сообщением вокруг лапки Полины, я отпустил птицу.

Виктора я отослал в Брюссель. Оба голубя вернулись в армейские чердаки, а через 25 дней я тоже вернулся в свою часть.

В следующий раз Борда спустили около бельгийского города Шарлеруа. Он отправился в свой родной город, чтобы увидеть невесту, но забыл совет товарища: никому не верь. Он попал в руки германцев, которые его расстреляли как шпиона почти напротив его же дома.

Что касается летчиков, которые спускали разведчиков, то если они попадались, их постигала участь разведчиков. Французский летчик Паолакка, одетый в военную форму, взял на борт своей машины коллегу в штатском платье. Самолет попал в огневую завесу, причинившую ему несколько повреждений, и французы вынуждены были приземлиться. Проявив все свое мастерство пилота, Паолакка направил машину к лесистой части местности и благополучно совершил посадку.

Он предложил своему спутнику спастись бегством. Товарищи пожали друг другу руки и разошлись. Переодетый разведчик-солдат юркнул в лес, в то время как летчик в военной форме спокойно стоял у своей машины.

Но было уже поздно. Неприятель следил за их приземлением, и большой автомобиль, битком набитый немцами, стремительно неся к самолету.

Летчик был взят в плен и доставлен в германский генштаб. В течение некоторого времени его усиленно допрашивали, засыпали вопросами: откуда вы прибыли? К какой части принадлежите? Куда летели и для какой цели? Где ваш пассажир и почему он вас покинул? и т. д.

Летчик задался целью выиграть время и спасти своего спутника. Но немцы не отступали и, видя, что им не удастся выжать из француза нужную информацию, посадили его в одиночную камеру под строгим военным караулом. В течение трех дней, если не считать получаса, который давался ежедневно для прогулки, его держали в строжайшем заключении.

Однажды утром его снова привели на допрос и сразу спросили:

— Знаете ли вы, что ожидает французского или британского летчика, который спускает разведчика позади наших линий?

— Да. Смерть. Если можете, докажите мою виновность.

— Хорошо. Вам, должно быть, будет интересно узнать, что мы расстреляли сегодня утром вашего пассажира как разведчика? Хуже всего то, что он во всем сознался. Вы его доставили в своем самолете.

Но интуиция подсказывала Паолакка, что немцы его «любят». Он знал разведчика, которого спустил, и был уверен, что если бы даже его спутника и захватили, тот предпочтет умереть, но не выдаст.

Пленник подтверждал свои прежние показания, отказываясь от дачи информации и приготовившись к наихудшему. После трехчасового допроса его снова увели в одиночную камеру. Такой допрос повторялся каждый день в течение недели.

Наконец, французу объявили приговор.

— Ваше дело слушал германский военный суд, который нашел вас виновным в «помощи шпиону». На рассвете вы будете расстреляны.

Десятки вражеских глаз пристально смотрели ему в лицо, ловя малейшее движение осужденного в надежде получить какое-нибудь доказательство его виновности.

В полночь его разбудил германский караульный офицер и сообщил ему, что смерть заменена вечной каторгой.

Паолакка отправили в Германию в тюрьму для пленных.

Ему удалось подкупить часового и достать неприятельскую форму. Однажды, переодевшись германским унтер-офицером, этот разведчик провел мимо караульных отряд из семи французских пленных солдат. 12 дней спустя этот отряд из восьми человек перешел швейцарскую границу и очутился на свободе.

* * *

В начале 1915 года меня позвали к начальнику контрразведки для получения задания:

— Вы поедете на автомобиле до пункта, обозначенного на карте В4-12, сегодня вечером в 9 часов. Там вы увидите штатского, который ждет вас. Вы остановите машину и скажете по-французски пароль. Это нужный вам человек. Вы его возьмете с собой в автомобиль и повезете к месту, обозначенному на карте Н9-12. Там вы сойдете с автомобиля и пойдете к полю по ту сторону «Бэконной полосатой фермы». Точно в 300 метрах на запад от этого места вы встретите самолет и скажете летчику по-английски пароль. Он ответит: «Специальный вестовой из контрразведки». Таковы ваши задания и пароли. Никому вы не зададите никаких вопросов и вернетесь для доклада ко мне.

Я выполнил поручение согласно полученным указаниям. Вспоминаю, как я встретил штатского. Он был весь закутан и с привлекающим внимание горбом за плечами.

Позже я узнал, что этот горб был образован корзиной с почтовыми голубями, привязанной ремнем к его плечам под широким, специально скроенным дождевым плащом, стянутым в талии поясом. Человек взошел на самолет, моторы зажужжали, машина оторвалась от земли и стала набирать скорость, направляясь в темноту.

Я вспомнил об этом эпизоде военного времени лишь несколько лет спустя, когда услышал, что немцы расстреляли известного бельгийца Икс, одного из наших наиболее надежных разведчиков, оказавшего ценные услуги союзникам.

Этот бельгийский солдат попросил, чтобы его послали работать добровольцем позади неприятельских линий и для этого спустили на парашюте с самолета. Много раз он проникал к неприятелю и собирал разведческие сведения о германских военных учреждениях, посылая нашей военной контрразведке информацию с почтовыми голубями.

Время от времени по ночам специально посланные летчики приземлялись в заранее условленном месте и увозили разведчика.

Он пробыл на этой рискованной работе около двух лет, но в конце концов попался и поплатился жизнью.

А вот другой эпизод, имевший место на австро-итальянском фронте.

Пришел наш разведчик, некий Александр Тандура. Кудрявые волосы, голубые глаза, ниже среднего роста, смуглый цвет лица, крепкого сложения, какими бывают горцы. На героя он не похож. Однако это был самый храбрый человек, которого я когда-либо видел. Уже его рано начавшаяся воен-

ная карьера говорит о храбрости. Он поступил волонтером почти с первого же дня присоединения Италии к союзникам.

В эпизоде, о котором будет идти речь, роль Тандура заключалась в том, что его должны были спустить позади австрийских линий двое смелых английских летчиков.

Тандура подготовили к полету. Парашют перевязали веревками, крестьянскую одежду уложили в ранец. Лопата, предназначенная для того, чтобы зарывать компрометирующие вещи, была привязана к разведчику таким образом, чтобы при быстром спуске она не беспокоила его.

— Как вы себя чувствуете, Тандура? — спросил летчик.

— Великолепно, капитан.

Прощались. Самолет поднялся в воздух.

Стояла темная ночь, и через некоторое время воздушные путники попали в сильную прозу. Яркие молнии освещали простиравшуюся внизу землю.

Все было готово. Самолет зажужжал над городом, который был вехой маршрута; австрийские прожекторы зловеще мерцали внизу.

Быстрой проблеск в черной пустоте на полу самолета. Блеснул на мгновение маленький круглый шар, летящий позади них. Это было все. На счастье или несчастье Тандура спустился.

После войны Тандура рассказал о своем приключении. В полете он, очевидно, задремал и на высоте приблизительно 10 тысяч футов вдруг почувствовал, что душа его «ушла в пятки». Он падал.

«Вдруг, — вспоминает Тандура, — я открыл глаза. У меня было такое впечатление, словно я, витая в воздухе, держусь на какой-то поверхности. Мне казалось, что я возвращаюсь к самолету. Тогда я понял, что парашют открылся.

Я набрался храбрости и посмотрел вниз. Благодаря перемежающемуся блеску молний я мог видеть всю местность. Видели ли меня? Не попаду ли я в неприятельские руки? Порывистый шквал дождя и ветра жестоко хлестал мне в лицо. Мое тело, повисшее на ремне, качалось, как маятник. Я испытывал ощущение абсолютной беспомощности.

Вдруг я почувствовал тупую боль в ногах, ударившихся о каменную стену, прилегавшую к какой-то ферме. А шторм продолжал нести меня. Мне показалось, что земля надвинулась на меня. Я повалился всей тяжестью тела на большую ограду из виноградных лоз и почувствовал острую боль от удара».

Тандуре пришлось лежать несколько часов под проливным дождем. Он был совершенно ошеломлен. Шторм его чуть не убил, но в то же время спас ему жизнь, так как внимание неприятельского передового поста, около которого он упал, было отвлечено непогодой.

Тандура сбросил свою офицерскую форму и переоделся итальянским крестьянином; шинель и парашют он сжег при первой возможности.

Потом он нашел убежище в домике одной крестьянки, которая приютила его. Через два дня Тандура достиг места, обозначенного на карте, где должны были ждать его сигнала. Он несколько раз пытался установить связь с нашими самолетами, но безуспешно.

Наконец, один из самолетов спустил мешок с продовольствием и с почтовым голубем. Посылка была передана разведчику его друзьями.

В то время у него уже накопилось немало ценной и важной информации, которую он тут же переслал итальянскому генеральному штабу с почтовым голубем.

Английские летчики спустили ему другого голубя. Разведчик передал новую информацию, которая помогла союзникам в битве под Витторио.

В течение августа — сентября 1918 года Тандура каждый день рисковал жизнью. Его дважды задерживали австрийские жандармы, и дважды он бежал.

В третий и последний раз он чуть не поплатился жизнью. Самолет союзников спустил письмо, адресованное «одинокому волку». Оно было передано Тандуре. Согласно содержащимся в этом письме инструкциям, он должен был отправиться на поляну, расположенную окою его родного города Серровиля, где самолет в установленное время предполагал взять разведчика к себе на борт.

Тандура пошел проститься с некоторыми друзьями и был в это время схвачен австрийской военной полицией, которая отвела его в свой штаб.

В конце октября он убежал из плена.

ГЛАВА XI

НОВЫЙ АРЕСТ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЧИКОВ В АНГЛИИ

В результате арестов, произведенных после 4 августа 1914 года, в Лондоне осталось на свободе очень мало агентов немецкой разведки. Однако одному из них удалось выскользнуть из сетей британской разведки и оставаться на свободе до февраля 1915 года.

В том году британская почтовая цензура работала во-всю и оказала ценные услуги контрразведке.

Однажды было перехвачено письмо, посланное неким Краусом и адресованное Дирксу и К° в Роттердаме. С некоторых пор власти взяли под подозрение этот адрес. По расследовании оказалось, что это был не более и не менее как передаточный пункт для писем германской разведки в Голландии.

Письма, направленные по этому, на первый взгляд, невинному адресу, подвергались действию горячего железа. Этот способ позволял воспроизводить текст, написанный невидимыми чернилами из аммиака, апельсина, лимона, известкового настоя или из какой-нибудь другой кислоты.

Эта химическая реакция давала изумительные результаты. Невинные письма г. Краусса содержали между строк военную информацию, которая представляла большую ценность для германской разведки.

Было ясно, что в Лондоне оперировал опасный разведчик. Установив строгий надзор, наша контрразведка продолжала направлять письма Дирксу и К° в Роттердам, заменяя «липовой» информацией действительные факты, сообщаемые неизвестным разведчиком.

В одном из таких писем, попавших в руки нашей контрразведки, действие горячего железа вызвало появление буквы «С», слова «Ньюкэстл» и числа «201», написанных симпатическими чернилами.

Тут была какая-то тайна. «201» — не было ли это номером дома в Ньюкэстле? Что означало это число?

Работник контрразведки, который расшифровал первую секретную корреспонденцию, высказал мысль, что дептфордская полиция могла бы выяснить, какая из местных улиц имеет дом № 201. Так и сделали. Оказалось, что в Дептфорде дом под № 201 имеется только на одной улице — Хай-стрит.

Стали выяснять, кто живет в доме № 201 по Хай-стрит. Там находилась булочная. Владелец ее был немец Петер Ган. Ган был немедленно задержан и допрошен.

Что означает буква «С» и слово «Ньюкэстл»? Петер Ган заявил, что, к своему огорчению, он ничего не знает и ничем не может помочь властям.

Обыск, произведенный у него на квартире, обнаружил полный набор принадлежностей для симпатической корреспонденции. Это было все, что удалось найти. Тем временем работники контрразведки и полицейские сыщики тщательно производили расследование в соседних домах, но единственная информация, которую им удалось раздобыть, состояла в том, что у Гана, который обанкротился до войны, сейчас дела шли блестяще. Одна женщина сообщила, что к немцу иногда приходит некий Мюллер.

Обладая только этими данными, наша контрразведка перенесла теперь все свое внимание на розыски в гостиницах Мюллера. Наконец, один энергичный работник Особого отдела наткнулся на фамилию Мюллер по одному малоизвестному адресу в Торринстонском районе в Блумсбери.

Хозяйка дома вначале отвечала на вопросы неохотно, но серьезное напоминание о мерах военного времени побудило ее сказать все, что ей было известно.

— Все, что я могу вам сказать, это то, что Мюллер хорошо мне платит. Он уехал в Ньюкэстл по делам. Обождите минуту, я вам покажу его карточку.

Она вернулась с карточкой, на которой чиновник прочел: «Карл Фридрих Мюллер».

На следующий день Мюллер был арестован в Ньюкэстле и отправлен в Нью Скотлэнд Ярд. Несмотря на то, что в его вещах нашли письмо, адресованное Дирксу и К^о в Роттердам, Мюллер отрицал всякое знакомство с этой фирмой. Он заявил, что является русским подданным, что родился в Одессе и что его арест будет рассматриваться как оскорбление, нанесенное гражданину дружественной страны.

За время содержания Мюллера под стражей полиция перехватила еще несколько писем, адресованных ему в Дептфорд. В некоторых корреспонденциях были деньги; в других просили присылки информации относительно морских и военных объектов Великобритании. Таким образом виновность шпиона была окончательно установлена. Мюллер был признан виновным в шпионаже и расстрелян.

Кроме Карла Лоди и Мюллера, все казненные шпионы были подданными нейтральных стран, продавшимися нашему врагу. Их биографии бедны и однообразны. Во всех случаях они шпионили из-за денег. Они были простыми наемниками, гото-

выми продать свою родину с такой же легкостью, с какой продавали нашу страну.

Произведенные в первые дни войны массовые аресты почти всех германских разведчиков в Англии вызвали смятение в Берлине. Германской разведке надо было заполнить пробел в своей шпионской сети, причем людьми подходящего типа — «национальными разведчиками», действующими исключительно из патриотических побуждений.

В лице Карла Лоди, запасного офицера германского императорского флота, немецкая разведка нашла нужного ей человека. Работая одно время курьером на линии Гамбург—Америка, Лоди научился говорить по-английски, так как постоянно общался с английскими и американскими туристами.

Снабженный американским паспортом, Лоди совершил путешествие по Бельгии, оккупированной тогда немцами, и вернулся на родину в начале сентября 1914 года.

В противоположность обычным методам опытных шпионов, он действовал совершенно открыто. Для подтверждения этого достаточно будет показать, каким образом он навлек на себя подозрения в первый раз. В такое время, когда вся корреспонденция, проходившая через почту, подвергалась строгой проверке, Лоди послал телеграмму из одной гостиницы северной Англии в Швецию. Телеграмма была написана по-немецки и отправлена по адресу, подозрительность которого для английской разведки ему должна была быть известна. С тех пор Лоди был взят на учет, и английская разведка установила за ним строгий надзор.

Дерзкий шпион побывал в различных пунктах шотландского побережья — в Блакнес Кастл, около Фортбриджа, потом в Розит, Марихил и в гамильтоновских казармах. В течение всего этого времени он переписывался со Швецией, и все его письма перехватывались.

Потом Лоди на время исчез и вновь появился уже в Лондоне. Из Лондона он вернулся в Брэдуги Ферри в Шотландии. Эта местность представляла для него большой интерес, так как там производились испытания морских орудий.

Одно время разведчик был в Денди и в Берри — центрах военных учреждений Шотландии — и до конца сентября находился, по имеющимся сведениям, в Ливерпуле, изучая оборонные укрепления в Мерсее.

Поездки привели Лоди в Ирландию, где он и был арестован Скотлэнд Ярдом.

Я считаю — и многие со мною соглашаются, — что если бы Лоди ограничил свою деятельность зоной действия походной германской армии, сражавшейся во Франции, то ему не вынесли бы смертного приговора.

ГЛАВА XII

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ-РАЗВЕДЧИЦЫ

«Докторша» — эта блестящая германская разведчица — готовилась к профессии врача-хирурга и получила соответствующие дипломы в разных учебных заведениях. Но обстоятельства толкнули ее на агентурную работу, которая оказалась ей по душе.

В первый раз она приехала в Вену в 1908 г., преследуемая русской разведкой, в период присоединения Боснии и Герцеговины. В 1912 году «докторша» находилась под наблюдением англичан. За ее передвижениями строго следили в нашей стране.

Авантюристка специализировалась больше в дипломатических, чем в военных и морских делах, но годилась и на всякого рода шпионскую работу. В общем это был тип женщины, способной ошеломить человека, как удар, нанесенный американской перчаткой, содержащей подкову.

Я, помню, видел ее два раза: один раз в 1912 году, другой — весной 1914 года. Это была женщина исключительной красоты. К тому же она была ловка и обаятельна. Благодаря ее информации по некоторым вопросам Гинденбургу удалось задержать русское наступление в Восточную Пруссию.

Как только русские стали наступать, германская контрразведка послала эту шпионку в Восточную Пруссию для получения сведений от русских офицеров. И действительно, «докторше» удалось передать контрразведке гинденбургской армии очень важные секреты русской армии.

Из своей гостиницы, расположенной позади русского фронта, она посылала с почтовым голубем в генеральный штаб германской армии информацию о ходе наступления русских.

Внезапным нападением на центр и фланги германцы вбили клин между обеими русскими армиями, которые стали поспешно отступать. Этот удар привел в конечном счете к катастрофе у Мазурских озер.

К несчастью для «докторши», во время отступления русских один чиновник из русской разведки признал в ней германскую разведчицу, которую он видел в 1908 году в Вене. Она была арестована, передана властям и расстреляна по обвинению в шпионаже.

Другим примечательным типом германской разведчицы является Лиза Блуме. Она ездила с датским паспортом. Ее деятельность в Испании и в других нейтральных странах заставила британскую разведку установить за ней наблюдение. Блуме была арестована на торговом судне в открытом море британским крейсером, когда она направлялась из Голландии в Барселону. В предыдущем рейсе шпионка имела при себе много частных писем, которые привезла из Испании в Голландию и передала разведчику, жившему в Роттердаме. Она, очевидно, занималась разведкой в области подводной войны. Во время допроса в Лондоне против нее нельзя было выдвинуть никакого конкретного обвинения в шпионаже. Но ее общее поведение было в высшей степени подозрительным. Она утверждала, что служила гувернанткой в германских консульствах в Стокгольме, Копенгагене, Амстердаме, Мадриде и Севилье. В момент ареста она якобы ехала занять должность гувернантки в семье германского посла в Мадриде. Обыск, произведенный в ее багаже, обнаружил несколько германских знаков отличия. Блуме заявила, что эти медали ей были вверены на хранение одним германским офицером. Но наша контрразведка до конца войны задержала все регалии вместе с их владелицей.

По словам агента французской разведки Шарля Люсидо, две разведчицы, работавшие для Германии, были арестованы и обвинены в шпионаже против американского экспедиционного корпуса в 1918 году.

Обе эти женщины были проститутками.

Они посещали морские порты и добывали от солдат обрывки сведений, которые затем передавали одному швейцарскому «торговцу», в действительности же германскому шпиону. Французская разведка задержала их, и обе женщины были расстреляны.

Одна женщина, известная под именем Бланш Потэн, работала во французской разведке в конце 1915 года. Она родилась в Брюсселе от отца-француза и матери-бельгийки. До 18-летнего возраста жила в Антверпене. Потэн была прелестной танцовщицей, и ее хорошо знали в Париже, Вене и Берлине. Незадолго до войны она была завербована французской

разведкой и снабжала это учреждение информацией, гастролируя открыто как артистка по морским и военным центрам Германской империи.

Когда разразилась война, Бланш Потэн находилась в Берлине, но после некоторых приключений уехала в Швейцарию и оттуда вернулась в Париж. С тех пор она активно собирала шпионские сведения для французов в Мадриде и других испанских городах.

Бланш Потэн посылала союзной разведке ценную информацию. В начале 1916 года разведчицу послали в Голландию, где она также добыла чрезвычайно важные сведения для французов.

В июне 1916 года она вернулась в Париж, и так как в то время было важно знать по возможности больше о передвижениях германцев в Бельгии, то было решено послать ее на оккупированную немцами территорию.

Французы имели двух очень надежных агентов в Брюсселе и Антверпене. Она должна была передать определенные задания одному из этих доверенных, так как было слишком рискованно давать эти задания ей самой.

Через несколько недель после ее приезда в Брюссель от агентов были получены сообщения о том, что они установили связь с мадмуазель Бланш. Все складывалось по заранее составленному плану. Но затем в течение трех месяцев следовало глубокое молчание, оказавшееся результатом провала французской разведки.

Мадмуазель Бланш оказалась предателем. Она влюбилась в одного высокопоставленного работника германской контрразведки, и чувство одержало у нее верх над рассудком. Бланш сообщила германскому офицеру фамилии всех агентов союзной разведки, которых она знала. Немцы немедленно захватили их одного за другим и расстреляли как шпионов.

Захваченная англичанами женщина-разведчица, известная под именем Елизаветы Вертгейм, во всех отношениях отличалась от французской шпионки, которая предала своих хозяев.

Вертгейм держала себя мужественно и вызывающе, чего никак нельзя сказать про германского разведчика — ее соучастника. Последний был человеком прекрасной внешности и светских манер. Он приехал в Лондон под именем Реджинальда Роуланда, с американским паспортом, как представитель фабрики роялей Нортон Смита в Нью-Йорке.

Наша разведка в Роттердаме порекомендовала взять Роуланда под наблюдение. Через несколько дней он отпра-

нился в окрестности Уэст Кэнсингтона, где навестил прелестную вдову одного иностранца.

Тут появляется на сцену Елизавета Вертгейм.

В то время, в начале 1915 года, она была обворожительным созданием, ездила за границу и была в полном смысле слова светской женщиной.

В течение нескольких дней Роуланд и Вертгейм останавливались в лучших гостиницах, обедали в наиболее фешенебельных ресторанах, ходили во все театры, ездили верхом по Роттен Пау.

Потом они поехали в Саутси и Портсмут, живя и там на широкую ногу и катаясь ежедневно на моторных лодках вдоль побережья. Когда они гуляли пешком, то надолго останавливались в Портсмуте и в Госпорте и записывали (что было неосторожно до странности) виденное ими на море и в воздухе.

Потом Бреков — так звали в действительности нашего героя — оставил свою приятельницу и вернулся к себе в гостиницу в Бедфордском районе Лондона.

Тем временем прелестная Елизавета появилась в Глазго. Назойливо завязывая знакомства с военными в окрестностях Мерихильских казарм, разведчица поехала в Эдинбург. Там она все свое внимание отдала морским офицерам. Эту тактику она применяла в течение шести недель, жила все время в лучших гостиницах, принимала у себя людей в военной и морской форме, совершала длительные прогулки на моторной лодке в таких военных центрах, как Берри и Карнусти.

Все это время она беспрерывно посылала письма «Роуланду». А он в свою очередь активно переписывался с одной фирмой в Роттердаме. К несчастью для него, почтовая цензура театра знала все об этой «фирме». Это был шпионский передаточный адрес для германской разведки.

Письма были довольно безобидные — деловые сообщения о ходе продажи роялей. Но применяя греющий электроаппарат, можно было читать между строк слова, написанные симпатическими чернилами.

Несколько дней спустя работник контрразведки Фитч в сопровождении какого-то офицера заехал в гостиницу, где проживал «Роуланд». Он встретил «Роуланда» в вестибюле, объяснил ему цель своего посещения и попросил разрешения зайти к нему в комнату. Фитчу были предъявлены паспорт и другие документы.

— Я прошу прощения, — сказал полицейский, — но я должен обыскать все ваши вещи.

Ничего предосудительного найдено не было, но вдруг глаза Фитча остановились на безобидной с виду коробке с тальком. «Роуланд» не проявил никакого волнения, хотя он должен был знать, что игра его кончена. Последующий химический анализ показал, что этот порошок, когда его растворяли в воде, образовывал симпатические чернила.

Скотлэнд Ярл занялся теперь Елизаветой. Ее нашли в Вест-Энде, где она жила у своей подруги. Тут во всем блеске развернулись актерские способности Елизаветы.

— Как вы смели притти на квартиру в такой поздний час и просить, чтоб я с вами пошла в Скотлэнд Ярл?! Будьте уверены, что такое оскорбление не останется безнаказанным. Я британская подданная. Я могу ехать, куда мне угодно, я не должна отчитываться перед Скотлэнд Ярдом за свои передвижения.

— Мадам, — ответил непоколебимый Фитч, — у нас война. Кроме того, вы должны итти со мною.

На допросе она заявила, что ее связи с Брековым (он же «Роуланд») не имеют никакого отношения к шпионажу. Она просто «хорошо проводила время».

Вертгейм проявила гораздо больше твердости характера, чем ее соучастник по шпионажу. Она все отрицала.

Тем временем в Брикстонской тюрьме Бреков сдался окончательно. Он признал себя виновным в шпионаже и указал на Елизавету как на соучастницу. После суда он был расстрелян у Башни как шпион. Елизавета Вертгейм также была приговорена к смертной казни, которую ей заменили пожизненной каторгой.

Еще пример.

Одна женщина Маргарита занялась шпионажем в пользу Франции в конце 1916 года. Она встретила в Женеве с красивым эльзасцем, который прекрасно говорил по-немецки, по-французски, по-испански и по-итальянски и состоял на службе у швейцарских властей в связи с их особой политикой надзора за иностранцами.

Настоящее имя и фамилию этого человека никогда не удастся, кажется, установить. Одно было ясно: он являлся наемником Германии. Если через 18 месяцев он был казнен французами, то его послала на гильотину Маргарита и именно вследствие ее большой любви к нему.

Она почти каждые три месяца ездила в Швейцарию, где оставалась не дольше одного месяца. Она была заподозрена по возвращении из Женевы после второго визита к своему «жениху». Когда она ожидала проверки паспорта при вступ-

лении на французскую территорию, за ней наблюдал один проницательный агент французской тайной полиции, который, как и работники Скотленд Ярда, был прикреплен к военной контрразведке. Маргарите разрешили ехать, не задав ей никаких вопросов. Но было установлено, что она ездила из Парижа навестить своего любовника, по имени Андре Потэн, состоявшего на службе у швейцарского федерального правительства.

Расследование, которое тут же произвела французская разведка, установило, что Потэн лишь временно работал в швейцарском бюро иностранцев и что в действительности он был германским разведчиком. Его специальным заданием было собирать сведения от шпионов-наемников, которые приезжали из Франции через франко-швейцарскую границу.

Впоследствии Потэн и другие шпионы организовали интернациональное бюро, которое пересылало информацию в Берлин.

С тех пор Маргарита была взята на учет, но ей еще раз дали возможность беспрепятственно проехать.

В то время многие агенты, имевшие с ней связь, могли свободно разъезжать по Франции, но тем не менее находились под постоянной слежкой контрразведки.

К Маргарите в гостиницу в Латинском квартале приходили всевозможные иностранцы — голландцы, испанцы, греки, шведы, датчане. Все они приносили ей информацию, которую она передавала в Женеву.

Эта деятельность Маргариты продолжалась в течение шести месяцев со времени ее последней поездки в Швейцарию. После того как все ее интернациональные информаторы были арестованы полицией, ее полезная для Франции роль окончилась.

Осенью 1915 года Ева де-Бурнонвиль, проживавшая в Скандинавии, оказалась без работы. Дворянка по происхождению, владея иностранными языками, она была гувернанткой, актрисой, секретарем и машинисткой в разных посольствах в Европе. Она хорошо знала Англию и наш язык.

В Копенгагене германская контрразведка предложила ей взяться за шпионаж и доставлять Германии военные сведения об Англии. Ее, очевидно, не пришлось долго уговаривать, и в сентябре 1915 года свежее испеченная разведчица приехала в Англию со шведским паспортом и специальным заданием — собрать информацию о наших средствах воздушной обороны, особенно в Лондоне.

Последующее официальное расследование установило, что в тот период войны Германия усиленно старалась определить

слабые места нашей системы воздушной обороны, для того чтобы предпринять крупную воздушную атаку на Лондон.

Этот план был разрушен, так как Скотлэнд Ярד арестовал единственного эксперта, которого подослала германская разведка. Не получая информации, немецкий воздушный флот воздерживался от налета до осени того года, когда была арестована Ева де-Бурнонвиль. Как многие читатели еще, может быть, помнят, этот большой налет был произведен ночью 23 сентября 1916 года.

Эта разведчица, прикрываясь паспортом нейтральной страны, должна была писать информацию симпатическими чернилами и пересылать ее в Копенгаген. Так она начала свою шпионскую деятельность.

Еще до войны Бурнонвиль познакомилась с одной дамой на севере Англии. От нее разведчица решила получить рекомендации для поступления на работу. Она написала этой даме и изложила ей свою просьбу. Доверчивая дама рекомендовала ее одной пользующейся уважением семье в северной части Лондона.

В назначенное время Ева с рекомендательным письмом пошла к друзьям своей знакомой дамы в Хэкснэй. Ее прекрасная внешность и приятные манеры снискали ей расположение этих добрых лондонцев. Однако спустя некоторое время они заметили, что молодая женщина ведет себя странно. Она всегда расспрашивала о пушках, о прожекторах, о противовоздушной обороне, и после одного неприятельского налета было видно, что она старается разузнать о размерах ущерба, нанесенного германцами.

В дальнейшем поведение Бурнонвиль стало еще более подозрительным. Не в меру любознательную особу в вежливой форме уведомили, что ее услуги больше не нужны. Она ушла и поселилась в гостинице на Верхней Бедфордской площади. Тем временем о ее поведении сообщили в Скотлэнд Ярд, и с тех пор «шведка» Ева была взята под подозрение нашей контрразведкой.

Казалось бы, что женщина, получившая такое предупреждение в чужой стране во время войны, должна была научиться держаться тише воды, ниже травы. Но Ева была на этот счет другого мнения. Она продолжала свои изыскания с удвоенной энергией.

Почтовая цензура к тому времени взяла под подозрение письма без подписи, адресованные одному лицу в Копенгагене и исходившие от одного блумберийского корреспондента. Все письма в Копенгаген были написаны одной и той же ру-

кой. Видимое содержание их было абсолютно безобидным, но совсем другого характера было содержание, написанное симпатическими чернилами.

Разведка принялась за работу. Один изобретательный работник контрразведки напал на следующую простую мысль. Он представился в гостинице как артиллерийский эксперт, постарался попасть в общество этой подозрительной женщины, которой стал рассказывать всевозможные невероятные истории.

И вот каждую ночь в обществе других ничего не подозревающих лиц разыгрывался этот фарс, который в свое время должен был перейти в драму. Сотрудник контрразведки рассказал немало небывлиц о чудесных изобретениях и фантазировал так бесцеремонно, что его коллеги-офицеры стали подмигивать друг другу: рассказчика зачислили в разряд перво-классных лгунов.

Однажды ночью он рассказал Еве об одном «удивительном» прожекторе, который будто бы собирались ввести в систему противовоздушной обороны Лондона. Луч этого прожектора должен был быть невидимым неприятелю.

Несколько дней спустя этот вымысел был передан в обычных письмах Евы Бурнонвиль в Копенгаген.

При таком бесспорном доказательстве было решено арестовать шпионку.

15 ноября 1915 года Бурнонвиль предъявили формальное обвинение на основании закона об обороне королевства. Разведчица была заключена в Холловейскую тюрьму.

На допросе в контрразведке выяснилось, что она получала 7,5 фунтов стерлингов в неделю за то, что рисковала жизнью в качестве германского разведчика.

Может быть, многих это разочарует, но приходится опровергнуть миф об «изумительных» женщинах-разведчицах, которые тратят баснословные суммы денег. Германия считала, что сведения о противовоздушной обороне Лондона не стоят больше 7,5 фунтов стерлингов в неделю.

При аресте у Евы был найден чек на месячное жалованье. Она говорила, что не любит немцев и, если мы согласны, станет работать для союзников. Она была осуждена на смертную казнь, но приговор был заменен вечной каторгой.

ГЛАВА XIII

С СЕКРЕТНЫМИ ПОРУЧЕНИЯМИ ВНУТРЬ ГЕРМАНИИ

В 1917 году я вошел в сношение с одним из работников разведки, англичанином, совершившим за время своей шпионской деятельности крупные подвиги.

Насколько мне позволяет память, я привожу собственные слова разведчика.

«Меня послали в Брюссель для того, чтобы по возможности узнать расположение германских подкреплений, переброшенных с восточного фронта. И вот однажды вечером я решил перейти границу.

Денег у меня было много, но мучил вопрос о документах и надежном проводнике до голландской границы. Однако больше всего меня беспокоило то, что в тот же день я видел знавшего меня сотрудника германской разведки.

С наступлением вечера я пошел в один дом, который находился по соседству с городским базаром и где меня очень гостеприимно приняли.

— Останьтесь, а утром, в два часа, я приму меры к тому, чтобы вы встретились с вашим проводником, — сказала хозяйка. — Кроме вас, есть еще трое. Проводник Габриэлла возьмет вас четвертым.

Я был готов к опасному путешествию. Выслушав предупреждения и пожелания моего друга, я выскользнул из двери и зашагал по темным улицам Брюсселя.

Нехватало десяти минут до назначенного часа, когда я пришел к церкви и укрылся в нише, где ожидал своего проводника, держась все время настороже.

Много мыслей мелькало у меня в голове. Правильно ли я поступил? Не следовало ли мне попытаться добраться до границы собственными силами? Не попал ли я в ловушку? Сомнения роились в моем мозгу, сменяя друг друга в эти минуты напряженного ожидания.

Я увидел приближающуюся ко мне группу из трех человек. Один из них был закутан в плащ с капором. По одежде я узнал, что это таинственный проводник Габриэлла.

Я пошел к ним и, как условлено, обратился к девушке с паролем: «Я готов за мою страну». Потом последовал ожидаемый ответ: «Мы посмотрим».

Это был надежный проводник — героическая французская девушка Габриэлла.

— Наконец, и вы. О том, что вы здесь, я узнала лишь

юдиннацатом часу и беспокоилась, смогу ли я вам достать необходимые документы.

— Вы видите, — продолжала девушка, — у остальных трех бумаги в порядке. Разрешите представить вам: капитан Б. и сержант Г. из бельгийского летучего отряда и рядовой Л. из вашей же британской армии.

Шопотом мы приветствовали друг друга.

— Документы капитана и сержанта в порядке, как вы можете судить по их одежде; это два простых бельгийских рабочих, которые жили до войны постоянно в Голландии и теперь, закончив свои работы для фирм, которые их послали, возвращаются в Роттердам. — Вы будете моим братом. Я буду выступать при всех переговорах, и если вам зададут вопросы по-французски, я могу рассчитывать на вашу осторожность. Надеюсь, что вы будете на высоте. С рядовым Н. дело обстоит хуже. В документах он значится голландцем, хотя знает только свой родной язык. Будем надеяться, что его не будут допрашивать по-голландски.

До Малина и окрестностей Антверпена никто не окликал нас. Дальше нас у каждого города останавливал и опрашивал германский военный караул. Мы беспрестанно говорили и шутили, пока не дошли до песчаных равнин и малорослого соснового леса в районе пограничной заставы Кампенгут.

— Начиная с этого места, — сказала Габриэлла, — будьте начеку. Эта местность кишит германскими шпионами. После этой заставы нам придется подвергнуться суровому осмотру на границе. Мы лишь вступаем в полосу опасностей.

На заставе еще раз пересмотрели наши документы и опросили, причем с объяснением выступала, главным образом, Габриэлла. В этом был ряд преимуществ. Она была восхитительна от головы до изящных ножек.

Качества интересной девушки ослепляли германских солдат. Она находила шутку для одного, улыбку для другого. Бросала быструю и живую реплику, когда ее допрашивали по-французски. Если же допрашивающий не говорил на ее языке, она отвечала миловидной улыбкой. Свою роль она исполняла в совершенстве.

После проверки документов мы продолжали свой путь. Но не успели пройти и полмили, как наткнулись на хорошо знакомый германский флаг и рогатку, загораживающую дорогу.

Один немец поднял заслон, а другой пристально посмотрел на нас. Когда позади нас засов опустился, второй немец занял место в нашей группе. Мы дошли до деревянных барачков, откуда вышел унтер-офицер и снова проверил наши документы.

Унтер-офицер стоял у телефона.

— Это он говорит с Брюсселем относительно нас, — сказала Габриэлла.

— В этой контрольной будке всегда так делают, если что-то не в порядке... — и она улыбнулась и сделала предупредительный жест.

Спустя долгое время унтер-офицер вышел, вернул нам бумаги и поднял заслон. Со вздохом облегчения мы продолжали свой путь по пустынной песчаной и разрытой дороге, которая шла параллельно границе.

Когда мы приблизились к маленькому лесу, нас окликнул немецкий агент, переодетый офицером.

Это был «германский военный» — так называли в оккупированной Бельгии и Франции зловещих агентов германской тайной полиции.

Вызывающе подмигивая, он подошел к нам и, обращаясь к Габриэлле на французском языке, сказал:

— В чем дело, мадмуазель? Вот уже месяц, как я вас жду. До сих пор не удавалось вас поймать. Я боюсь, что придется вас всех задержать, хотя у вас и имеются документы. Мы недавно узнали, что многие из этих так называемых документов поддельные. Так как здесь никого нет, то я позову на помощь. — И быстрым движением руки он дернул за цепочку, на которой висел свисток.

Однако он не успел воспользоваться свистком. Бельгийский сержант, вскочив, как кобра, вонзил ему в грудь нож. Охваченные ужасом, мы стояли, смертельно бледные и безмолвные, ошарашенные внезапным драматическим оборотом событий.

Габриэлла первая пришла в себя.

— Скорей, скорей, — говорила она, волнуясь. — Потащим его в эту канаву. А не то — нагрянет караульный, и нас тут же всех расстреляют.

Из-за маленького холмика, заросшего мелкой сосной, мы видели линию фронта, которая тянулась милями в этой бесплодной, песчаной и пустынной области.

Невдалеке показались двое часовых.

— Поторопитесь, ради бога, — сказала Габриэлла. — Я их задержу. Подойдите ко мне, как только сможете.

Когда она бросилась по направлению к часовым, мы вчетвером подняли труп и положили его в канаву, наскоро посыпав свежим песком пятна крови на земле и покрыв тело убитого немца кустарником, который мы рвали с неистовой силой.

подавляя волнение, мы вышли из дренажной трубы на равнину. Это было как раз во время. Габриэлла разговаривала

с двумя часовыми, которые объяснялись на ломаном французском языке.

Она, очевидно, хорошо сыграла свою роль, так как оба часовых нам улыбнулись. К нашему облегчению, они ушли вместе с Габриэлой вперед.

Теперь мы находились на последнем этапе своего продвижения к голландской границе. Это был оккупированный германцами Эсхен с его довоенной бельгийской таможней.

По ту сторону линии развевался голландский флаг и стояли двое голландских пограничников.

Мы были уже почти на свободе.

Германский офицер задал нам ряд вопросов. Он, повидимому, не был удовлетворен нашими ответами, как будто был в замешательстве и продолжал смотреть на Габриэлу.

— Скажите, — обратился он к ней по-французски, — встретили ли вы одного германского полицейского офицера между этим местом и предыдущей контрольной будкой?

— Да, — ответила она, не задумываясь, и дала описание убитого человека.

— Он мне говорил о подозрительных девушках и сообщил по телефону, что тут имеется молодая француженка.

— Но ведь, — отпарировала Габриэлла с обворожительной улыбкой, — вы теперь видите, что все его сомнения рассеялись.

После некоторых формальностей мы перешли границу и очутились таким образом на свободе.

Так в первый и в последний раз я встретил Габриэлу.

Девять месяцев спустя германцы расстреляли ее около Брюсселя.

ГЛАВА XIV

КАК Я ЗАДЕРЖАЛ „АМЕРИКАНСКОГО ПОЛКОВНИКА“

Мои сношения с американской разведкой начались в первых числах апреля 1917 года.

Это было на пассажирском вокзале в Гавре. В то время американская контрразведка с ее системой контршпионажа делала во Франции первые шаги. Поэтому британская контрразведка прикрепила к американцам отборных работников, которые должны были помогать американцам до тех пор, пока они окончательно не освоятся и не начнут оперативную работу.

Американцы скоро овладели приемами контршпионажа благодаря своему прямолинейному и практическому, деловому подходу. Я имею очень высокое мнение об американских методах разведки. Мне нравилась их четкая система организации арестов. Американцы всегда показывали себя хладнокровными, ловкими и точными работниками.

Как участника игры человеческих интриг, где чередуются удачи и неудачи, лучшим агентом или разведчиком мира, я считаю, является француз. Его темперамент при пытливом, склонном к исследованию уме очень приспособлен к такого рода деятельности. Французы в высшей степени обладают даром воображения.

Американец, может быть, склонен к чрезмерной доверчивости.

Англичанин недостаточно доверчив. Однако как союзники они все вместе работали хорошо, как я в этом убедился, выполняя разнообразные поручения.

Возвращаясь к своему рассказу.

Пятичасовой скорый поезд ожидал в Гавре морских пассажиров из Англии, чтобы повезти их через Париж в разные страны мира.

Повсюду ощущалась кипучая деятельность американцев. Всюду сновали американцы — штатские, офицеры и солдаты. Многие из них получили краткосрочный отпуск в Париж и в другие местности. Согласно новому правилу, действовавшему в американской армии, военные в форме имели право ехать по железной дороге, если у них был ордер на железнодорожную воинскую поездку. Американские граждане в штатском имели, конечно, паспорта.

У контрольного барьера давка была невероятная. Мои французские и бельгийские коллеги были завалены работой по проверке паспортов, которые им были вручены беспокойными и крикливыми пассажирами, громко протестовавшими против задержки и нетерпеливо ожидавшими получения билетов.

Я заметил, как один из французских агентов взял американский паспорт у одного высокого стройного военного, одетого в форму полковника американской пехоты.

По правилам, французский сыщик не должен был допрашивать британских и американских подданных, если имелись агенты английской или американской контрразведок. Но мы часто заменяли друг друга при большом наплыве народа. Надо было работать быстро. Я всегда считал, что был недостатком бдительности и настороженности в работе по проверке паспортов. Крупные персоны не любят, когда их заставляют ждать.

Как бы то ни было, но мне показалось, что офицер, предъявивший паспорт вместо ордера на воинский проезд, вообще не имеет такого ордера. Принятие решительных мер противоречило существовавшим правилам. К счастью, сотрудник английской контрразведки пришел мне на помощь. Я попросил его заменить меня на проверке паспортов, а сам пошел разыскивать американского офицера.

Нелегко искать определенного человека в длинном поезде, битком набитом штатскими пассажирами, сухопутными и морскими офицерами всех категорий и всех чинов, где носильщики толкаются и пробивают себе дорогу по узкому коридору. Я имел в своем распоряжении только семь минут, чтобы разыскать нужного мне человека. И я его нашел. Он сидел в вагоне-ресторане в обществе других офицеров за стаканом чая. Мне оставалось три минуты. Положение было щекотливое. Я был в штатском, и мне надо было обратиться к американским офицерам в форме. Но необходимо было принять решение.

— Господа, — сказал я, — мне очень неприятно вас беспокоить. Я сержант британской контрразведки. Я отвечаю перед американской военной контрразведкой за правильность документов всех военных, проходящих через штатский проверочный барьер этого вокзала. Будьте добры предъявить свои ордера на воинский проезд.

Американские офицеры, может быть, и обиделись, но все же очень охотно показали требуемые документы.

Оставалось две минуты. А подозрительный американец, как видно, старался выпирать время. Он заявил, что его ордер находится в чемодане. Этого одного было достаточно для того, чтобы усилить мои подозрения.

— Я очень огорчен, но я должен его видеть.

Американец возражал. Я побежал к ближайшей двери.

Начальник станции, держа в руке часы, собирался подать главному проводнику поезда сигнал об отъезде. Мой французский коллега быстро подошел ко мне.

— Задержи поезд, я проверяю одного подозрительного, — крикнул я из дверей.

Тем временем другие американские офицеры, видя мое затруднительное положение, пришли мне на помощь. Они привели «подозрительного» в коридор. У него был только американский штатский паспорт. Я ему тут же приказал выйти из поезда, схватил у него кобур и вытащил оттуда его автоматический револьвер. Фотография на паспорте была переклеена. Я заметил, что она поддельная.

Он остался со мною, а поезд умчался в Париж.

Теперь положение оставалось не менее щекотливым.

В присутствии многих людей, я, английский сержант в штатской форме, снял с поезда полковника американской армии. Ко мне прибежали два французских сыщика из парижской тайной полиции. Я узнал, что этот офицер является одним из заключенных лагеря для пленных германских офицеров.

— Ты хорошо поработал, — крикнули они мне, видя мою «добычу».

«Американский полковник» был военнопленный офицер прусской кавалерии, живший в Англии до войны.

Он убежал в тот же день в 3 часа пополудни. Похищенная американская форма и знание английского языка оказали ему большие услуги. Но его соучастники забыли одну важную мелочь: его проездные документы. Сфабриковать проездной ордер было так же легко, как подделать украденный паспорт, даже легче. Но беглец полагал, что высокое положение американского полковника позволит ему обойтись без этой бумажки.

Трудно сказать, каковы были его планы. Может быть, он направлялся через Женеву в Германию, а возможно, собирался совершить поездку к американским линиям и общим расположениям союзных войск. В этом случае его деятельность была бы определенно опасна для дела союзников. Словом, его побег мог принести большие неприятности.

Как бы там ни было, но поимка «американского полковника» позволила раскрыть хитроумный заговор в лагере для германских пленных офицеров. Три недели спустя я оказал французской контрразведке помощь в раскрытии этого заговора. Я выполнял роль машиниста крана на набережной и находился среди большого количества германских офицеров и гражданского населения. Здесь я пережил интересное приключение.

Во время войны английский король совершил несколько поездок во Францию, для того чтобы посетить главные штабы, больницы и поля битвы. Излишне указывать, что эти поездки были источником сильных беспокойств для генерального штаба, ответственного за безопасность короля. Были приняты все меры предосторожности для охраны. Злой рок захотел, чтобы в течение этих поездок почти везде возникали неприятные инциденты.

Один заговор, составленный с целью убить короля, был раскрыт как раз во-время. Король должен был посетить некоторые больницы и произвести смотр нескольким дивизиям, не-

давно прибывшим во Францию. Неприятель получил очень точные сведения относительно передвижения союзных войск по соседству с тем местом, где должен был состояться королевский смотр.

Были приняты специальные меры к тому, чтобы обнаружить источник утечки информации. По поручению начальника контрразведки, я отправился в предполагаемый район действий немецкого агента и произвел некоторые самостоятельные исследования. В частности, мне пришлось узнать, что одна фламандка живет шире, чем должны позволить тяжелые условия в зоне военных действий. Я поручил одному из своих лучших помощников наблюдать за нею. После сумерек он заметил, что фламандка покинула свой домик и по тропинке направилась к разрушенному замку. Женщина вошла в замок, агент за ней. Он имел под рукой двух помощников. Как только старушка вышла из замка, агент ее арестовал. В сопровождении одного помощника он пошел вверх по лестнице, ведущей к продырявленной снарядами башенке. Дважды он слышал крик совы, но не обратил на это никакого внимания. Мой помощник находился на расстоянии семи футов от верха, когда вдруг раздался злобный треск, все озарилось пламенем, и он инстинктивно присел. Перед собой он увидел пару ног, за которые ухватился. Вдруг что-то грохнуло. Нападавший на него человек свалился с лестницы, послышался стон. Мой помощник зажег спичку и увидел, что у его ног без сознания лежал молодой коренастый человек, истекавший кровью, которая струилась из раны на голове. Агент несколько раз позвал по имени своего товарища, но не получил ответа. Тогда он зажег вторую спичку и при ее свете заметил другое тело. Это был его товарищ. Он был мертв — пуля пронзила ему грудь.

Незнакомец, лежавший без сознания, был обыскан: у него на шее нашли матрикул одного германского пехотного полка, служивший доказательством того, что это был переодетый разведчик. Обыск, произведенный на верхней башне, обнаружил радиоустановку, а при шпионе нашли карту передвижений короля на ближайшие три дня.

По решению военно-полевого суда шпион был расстрелян.

КАК РУССКИЙ РАЗВЕДЧИК ОБМАНУЛ ТУРЦИЮ

Во время войны существовала одна мощная организация, великолепно устроенная, превосходно вооруженная для крайних случаев, умевшая соблюдать строжайшую тайну. Ее целью было содействовать побегу союзных солдат и разведчиков во всех пунктах оккупированных областей.

Вся организация состояла из отдельных звеньев разведки. Эта цепь никогда не рвалась, так как ее звенья были крепки и надежны.

Этих людей можно было видеть в любом оккупированном городе Бельгии и Северной Франции. Они были готовы помочь какому-нибудь отчаявшемуся человеку, которому угрожала смертная казнь, предоставляя ему кров, пищу, деньги, необходимые документы и одежду для переодевания.

В октябре 1914 года Бельгия и Северная Франция были заняты немцами. Мощные массы вооруженных людей встретились друг с другом и окопались в траншеях на протяжении свыше 500 миль от побережья до швейцарской границы.

После первого крупного сражения больницы Брюсселя и окрестностей бельгийской столицы стали заполняться ранеными бельгийцами.

Не только в столице, но и по всей Бельгии и Франции во время продвижения германцев союзные раненые (которых союзный Красный крест при успешном отступлении не успел эвакуировать) оставались в местных больницах, частных санаториях и лечебных заведениях.

Не только раненые, но и многие здоровые люди оказались отрезанными от своей отечественной армии и укрывались у сочувствующих жителей. Для германского высшего командования было ясно, что эти укрывающиеся люди представляют большую угрозу для тыла немецких коммуникационных линий. Вскоре было опубликовано распоряжение, согласно которому каждый житель оккупированной Бельгии и Северной Франции, если у него находились неприятельские солдаты, обязан был под угрозой смертной казни сообщить об этом властям.

Хотя 700 французских, английских и бельгийских солдат было расстреляно германцами, все же свыше 26 тысяч союзных подданных смогли перебраться во время войны через голландскую границу.

Женщины составляли главные звенья в этой цепи. Среди женщин, арестованных за шпионаж против захватчиков, находились де-Круа и де-Бельвиль.

Мария де-Круа была девушкой, принадлежавшей к старинной семье бельгийской знати. Она уединенно жила в своем бельгийском замке около Монса. Жанна де-Бельвиль, представительница французской знати, жила в провинции Гено.

В начале войны княгиня Мария устроила больницу Красного креста, в которой находились на излечении бельгийские, французские, английские и немецкие раненые.

После сражения при Монсе много британских солдат, отрезанных во время отступления от своих, осталось в Бельгии. Их тяжелое положение глубоко трогало женщин, которые решили создать организацию для содействия побегу союзных солдат.

Германцы всемерно преследовали эту организацию, но никогда они не смогли ее победить, всегда оказывались побежденными хитростью и увертками, к которым прибегала группа.

Как только немцы арестовывали и казнили некоторых членов этой организации, на их месте неожиданно появлялись другие, и снова немцам приходилось начинать утомительные розыски и выслеживания.

Я думаю, что будет уместно изложить в этой главе историю солдата Фаулера из 11-го гусарского полка.

После битвы у Ле-Като солдат Фаулер и трое других оказались отрезанными от своих частей. Дороги и деревни были наводнены германскими войсками и обозами. Фаулер и его товарищи оставили своих лошадей в одной ферме и, разделившись, отправились пешком, в надежде, что им удастся добраться до британского фронта.

Затерянные в чужой стране, не зная ее языка, солдаты пошли бродить по лесам.

Фаулеру повезло: его встретил французский крестьянин, по имени Гоберт, который накормил его и укрыл сначала в стоге сена, а затем и в доме.

В течение долгого времени Фаулер прятался в доме этих французов. Пережитое им за этот период могло бы составить целый том описаний острого человеческого страдания.

Спрятанный внутри большого дубового гардероба в доме, где постоянно было расквартировано 20 немецких солдат, он переживал пытку.

Дом подвергался непрерывным обыскам. Но каждый раз Анжела и мадам Бельмон Гоберт (жена и дочь) появлялись на сцену и вводили власти в заблуждение какой-нибудь хитростью.

Фаулер получал немного молока, одну-две картошки, время от времени яйцо. Яйца, впрочем, были редкостью, так как

Гоберты имели только двух кур и должны были отдавать захватчикам в виде налога по яйцу в день. За невзнос яйца они подвергались штрафу в два франка, а чтобы уплатить этот штраф, Анжела должна была сидеть половину ночи за вышиванием. Это время было сплошным мучением для обеих женщин и для преследуемого человека.

Как-то Фаулер узнал от Анжелы, что другой солдат укрывается в доме, где проживала чета Карден. Фаулер с ним встретился однажды ночью. Они решили убежать в Голландию. Но этому плану не суждено было осуществиться, так как того солдата выдала одна женщина; если бы она знала о Фаулере, он разделит бы ту же участь. Фаулер еле унес ноги.

Впоследствии все эти действующие лица были пойманы и расстреляны или приговорены к пожизненной каторге.

* * *

В начале войны среди разведок всех других воюющих стран одна только русская разведка не имела четко слаженной системы.

В Москве, Петербурге и Киеве для шпионской работы тренировали священников. Во время победоносного захвата Галиции эти работники русской разведки установили распятия и иконы на всех важных мостах, дорогах, железнодорожных узлах и на других стратегических путях сообщения для того, чтобы помочь русскому генеральному штабу в продвижении войск. Очертания, форма и цвет всех этих религиозных эмблем служили ценной информацией.

В течение всей войны русская контрразведка оперировала, главным образом, в Скандинавии.

В Швейцарии она работала в тесном сотрудничестве с французской и британской контрразведками. Кроме того, свою работу, главным образом, морского характера, русская разведка вела в Копенгагене и в Стокгольме.

В настоящее время в Лондоне проживает один русский, служивший во время мировой войны в русской армии, который мне рассказывал следующий эпизод из истории русской разведки.

Его послали в Константинополь добыть информацию о турецко-германских военных передвижениях в ноябре 1914 года. Он свободно говорил по-турецки и, переодевшись турком, постарался получить должность в турецком военном министерстве. Для этой цели разведчик запасся разными фальшивыми документами, которые добыл при содействии друзей и денег

в турецкой столице. Я привожу его рассказ по возможности его собственными словами:

«Турки заинтересовались мной, узнав, что я могу свободно говорить по-русски. Ко мне подошел турецкий офицер и представил меня двум высокопоставленным германским офицерам, прикрепленным к штабу генерала Лимана фон-Сандерса, возглавлявшего германо-турецкую военную миссию.

После беседы на турецком языке мы договорились о том, что я поеду на Кавказ, получив крупную сумму денег, и постараюсь собрать по возможности больше сведений относительно передвижений русских войск и военных намерений России. Я сделал вид, что соглашаюсь.

Чинovníк турецкой контрразведки, — если я могу так его назвать, — раскрыл мне все свои планы и тайны. Энвер-паша собирается произвести наступление на русских и застигнуть их врасплох. Мое задание заключалось в том, чтобы проникнуть в расположение русского командования и распространить ложные сведения относительно возможного пути турецкого продвижения. Я нашел, что их план дерзок и продиктован честолюбием. И действительно, все говорили, что если русские будут разбиты, то Энвер-паша нападет на Англию, пройдя через Афганистан в Индию.

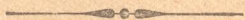
Через очень короткое время я побывал у двоих своих соотечественников и рассказал им, что я служу Русской империи, пользуясь своим положением турецкого разведчика.

После совещания в генеральном штабе мой начальник по контрразведке велел мне вернуться в Константинополь и продолжать свое дело. Я так и поступил и был с распростертыми объятиями вновь принят турецко-германскими военными чинами. Они мне дали новые инструкции и заявили:

— Мы не сомневаемся в том, что вы нам дадите свежую информацию, когда мы встретимся в январе в Карсе.

В последних числах декабря 1914 года большие турецкие силы появились на театре военных действий, но русская армия была подготовлена к встрече.

Всякое движение турок расстраивалось и терпело крах. Оба корпуса, которые должны были напасть на нас врасплох, наткнулись в горах на русские войска, которые сами застигли турок врасплох и уничтожили их».

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ШПИОНСКОЙ РАБОТЕ. ШПИОНОМАНИЯ

Как только началась война, было установлено строгое наблюдение за всеми письмами как прибывавшими в Англию и в зону военных действий, так и посылавшимися из Великобритании. Было также установлено тщательное наблюдение за всеми иностранцами, проживавшими в Англии, приезжавшими или уезжавшими из нашей страны.

Контроль над всеми радиостанциями был передан адмиралтейству, которое установило строжайший надзор за радиопередачами.

Телеграф, телефон, каблогаммы и почтовая цензура находились под контролем других органов, точно так же как и цензура над печатью; но все эти органы поддерживали связь между собой и каждый из них имел в виду только одну цель — изъять всякие сообщения, могущие принести пользу неприятелю.

За корреспонденцией, написанной симпатическими чернилами, всегда наблюдали особенно зорко. Конечно, шпионы пользовались также и шифром, но употребление симпатических, или невидимых, чернил было излюбленным способом неприятельских разведчиков.

Слова «симпатические», или «невидимые», относятся к жидкости, которая не оставляет никакого видимого следа на бумаге, но которую можно обнаружить при помощи нагревания или химической реакции.

Вот некоторые сорта невидимых чернил, обычно употребляемых агентами разведки.

Раствор свинцового «сахара» в чистой воде не оставляет никакого следа на бумаге, когда он высыхает, но под влиянием тепла буквы становятся черными.

Азотнокислая медь при том же способе расшифровки дает красные буквы.

Буквы, написанные азотнокислым никелем, при нагревании становятся зелеными.

Бромистая медь употребляется особенно часто, так как следы ее легко обнаруживаются при нагревании и исчезают при охлаждении.

Следы рисовой воды на бумаге невидимы, но иодовая реакция делает их синими.

Серная кислота, или купорос, разведенный в воде, если писать острым концом стального пера, дает прекрасные невидимые чернила, которые при нагревании становятся неизгладимо черными.

Птичьим пером, смоченным соком луковицы или репы, также можно писать невидимые письма, которые под действием тепла становятся ярко коричневыми.

Молоко и лимонный сок являются хорошими симпатическими чернилами, но ими нельзя писать на глазированной поверхности, — бумага является одним из средств для проявления этих «невидимых чернил». Неглазированная бумага употреблялась для этой цели.

Цензура над фотографиями была очень строгая и в Англии и на театрах военных действий. В рядах действующей армии было запрещено иметь фотоаппараты. Однако везде и повсюду офицеры и солдаты не считались с этими строгостями, запретами и правилами. Было бы неблагоразумно скрывать это.

Всевозможные слухи и сплетни распространялись беспрестанно. Солдаты, приезжавшие домой в отпуск, рассказывали фронтовые новости, слышанные ими рассказы, и через эту болтовню просачивалось немало секретной информации. На крупных базах и складах правила сохранения тайны сообщались в объявлениях, которые вывешивались для всеобщего сведения. Французы читали такие плакаты во всех кафе Франции. Какой английский офицер или солдат не помнит: «Молчите! Остерегайтесь! Неприятельские уши вас подслушивают!» Или английский лозунг, изложенный в четверостишии:

«Жила одна мудрая старая сова в дубе.

Чем больше она слышала, тем меньше она говорила.

Чем меньше она говорила, тем больше она слышала.

Все солдаты должны подражать этой мудрой старой птице».

* * *

Мои замечания о различных факторах, помогавших деятельности контрразведки, были бы неполными без краткого описания работы военных собак.

Отчеты отдела военных собак изобилуют любопытными инцидентами.

Я помню германскую собаку, по имени «Фриц», о которой один английский солдат однажды сказал, что «она может все делать, только не говорить». За ней стали наблюдать с начала 1916 года. С разных пунктов фронта поступали сведения о том, что по утрам, на рассвете, солдаты видели собаку, ко-

торая внезапно появлялась со стороны неприятельских линий или направлялась к ним. Собаку видели несколько раз в течение недели, но никто не мог ее поймать. В чем состояла ее задача и где она бывала позади наших линий? Этого никто не знал.

Но в один прекрасный день тайна раскрылась. Немцы бомбардировали несколько домов, расположенных позади наших линий. В одной из разрушенных построек был найден мертвый человек в штатском, убитый взрывом снаряда. Осмотр тела обнаружил вокруг его шеи шнурок, к которому был привязан германский матрикул и пачка писем от неприятельского отдела собак. Эти копии ясно показывали, что убитый был разведчиком, переодетым германским унтер-офицером.

Было очевидно, что этот разведчик время от времени пробирался к нашим линиям и по ночам посылал свою информацию немцам с собакой. Мы установили надзор, чтобы поймать эту собаку, и посредством одной хитрости нам это удалось. При ошейнике мы нашли письмо для убитого теперь хозяина этой собаки. В письме запрашивали информацию относительно нашего ночного транспорта, для того чтобы германская артиллерия точно могла направить свой огонь. После совещания с некоторыми из главных офицеров было решено, что нет надобности посылать собаку обратно. Поскольку разведчик погиб, собака потеряла для нас опасность.

* *

В свое время стало известно, что германцы собираются в начале 1918 года сделать отчаянную попытку разгромить союзников посредством ряда сильнейших ударов на протяжении огромного фронта.

Союзный генеральный штаб был в неизвестности относительно двух обстоятельств: когда и какими силами немцы намерены осуществить свой план.

Вдоль всего фронта с начала февраля у немцев выросло количество аэродромов, усилились ночные движения войск в ближайшем тылу. Много других признаков говорило о близости большого наступления.

Для того чтобы добыть нужную информацию, один английский офицер был отправлен на самолете и спущен на парашюте позади германских линий. Результат был изумительный. Постепенно офицер собрал множество сведений о происходивших повсюду приготовлениях к выполнению задуманного Людендорфом гигантского наступления. Опытный глаз разведчика

оценил всю ужасающую силу подготавливавшегося мощного удара. Англичанин был доволен.

Теперь нужно было во-время передать информацию союзному командованию. Один неверный шаг, — и смерть неминуема. А судьба смелого разведчика решала также судьбу тысяч жизней.

Путешествуя под покровом ночи, разведчик сделал сотни миль пешком (он не смел доверяться поезду или другому средству передвижения) и добрался, наконец, к домику одного бельгийца, который до войны занимался контрабандой и мог пригодиться контрразведке. Переходить границу, имея при себе важную информацию, было слишком рискованно и даже безрассудно. Если он попадется потом, — не страшно, можно умереть. Но сейчас главное — доставить информацию. Кроме того, он должен был еще взорвать большой склад военного снаряжения.

Найдя бельгийского знакомого, он рассказал ему о своем неотложном задании.

— Пустяки! Мы как-нибудь передадим письмо. Моя жена имеет разрешение ехать в любое время. Только сегодня днем ее документы подписал местный германский комендант. Она уезжает завтра на рассвете.

Таким образом подготовка крупного внезапного наступления в марте 1918 года стала известна союзникам по сведениям, полученным на неприятельской территории разведчиком.

Германцы начали свое большое наступление 21-го числа утром. Немцы продвигались по всему фронту наступления. Но в то время союзное командование поняло стратегию Людендорфа, которая состояла в том, чтобы обойти правый и левый фланги союзных армий. Германский главнокомандующий хотел вбить клин между союзными армиями, чтобы пойти на Париж. Он надеялся, что французы отступят к юго-западу для защиты Парижа. Это означало бы повторение Марнского сражения 1914 года. Но немецкого генерала побили. Союзники отказались разделиться. Первая битва в наступлении 1918 года поставила друг против друга обе стороны, готовые к следующей отчаянной схватке. Новая битва должна была скоро разразиться между англичанами и немцами на севере.

* * *

Со шпиономанией во Франции мне пришлось столкнуться впервые во время отступления из Монса. Настроение у офицеров и у солдат было скверное. При малейшем подозрении людей убивали на месте из ружья или револьвера.

Много французов было расстреляно нашими солдатами. Много англичан было расстреляно при таких же обстоятельствах возбужденными патриотами-французами, у которых было либо слишком много, либо слишком мало воображения.

Я помню, как покойный капитан Роз, из моего же полка, подозвал меня однажды к группе пыльных и сердитых английских солдат.

Одного старого француза застали на дереве с биноклем в руках. Это показалось крайне подозрительным! Один солдат из моего полка увидел француза и стащил его на землю. Началось объяснение между людьми, не понимавшими друг друга.

Старик хотел что-то объяснить. Угрюмые английские солдаты окружали его.

— Сержант, мы его нашли на дереве с биноклем в руках.

— Расстрелять его, сукиного сына!

— Расстрелять его, презренного кровавого шпиона!

Я никогда не забуду этой сцены. Маленькая ферма, пыльная группа свирепых английских солдат, дрожащий старик, которого держали за обе руки и на которого было направлено 12 винтовок, готовых дать залп.

Когда я с ним заговорил на его родном языке, он почувствовал облегчение, которое было в высшей степени трогательным.

— Послушайте, — сказал он мне, — в этом лесу находится свыше 50 уланов; у них имеются пулеметы, и они собираются внезапно напасть на первые войска, которые пройдут по этой разрытой дорожке, ведущей к главной дороге. Этот бинокль не мой, здесь его оставил один французский офицер.

Когда я перевел это объяснение, то прошло меньше времени, чем понадобилось мне, чтобы написать эти строки, как каждый из наших солдат понял серьезность положения.

Немедленно была собрана рота, которая выстроилась в боевом порядке и отправилась в лес, граничивший с дорогой.

Старый француз был прав. Мы нашли в лесу отряд германской кавалерии, направивший пулеметы на дорогу. Все немецкие солдаты были захвачены нами без боя. В ночной темноте, до наступления рассвета, они пришли с тем, чтобы беспокоить наши небольшие отставшие отряды.

Некоторые из инцидентов, которые я сам пережил, были не лишены юмора.

Однажды французская жандармерия прислала в генеральный штаб 3-й армии срочную телеграмму с просьбой послать меня к ним, так как они поймали шпиона около Эстера.

Я поспешил приехать, чтобы посмотреть на пойманного

шпиона, которого захватили в форме британского солдата. Этот шпион оказался солдатом ирландской гвардии. Он говорил с таким резким кельтским акцентом, что было действительно трудно что-либо понять. Солдат проводил время в одном маленьком кафе и возвращался оттуда ночью. На дороге, ведущей в Мервиль, его окликнули два французских жандарма. Ирландец ответил на своем лучшем ирландском языке. Добрые французские жандармы, привыкшие к английскому акценту британских солдат, приняли его странную болтовню за какой-то чужой язык и арестовали позднего путника.

Я вспоминаю случай, который произошел на Сомме в 1916 году. Я провожал на автомобиле начальника полиции 3-го корпуса майора Брирлей. Мы должны были осмотреть некоторые дома около Альберта. Майор Брирлей любил производить расследования лично. Расспрашивая людей, он поставил некоторые вопросы, вызвавшие подозрение одного английского солдата, который заявил:

— У нас война. Откуда я знаю, кто вы? Нас предупредили, чтобы мы не отвечали на вопросы тем, которых мы не знаем.

— Но разве вы не видите, что я высший офицер? Я начальник военной полиции вашего корпуса.

— Возможно, милостивый государь, но...

В эту минуту появился офицер того полка, в котором служил осторожный солдат. Зная высокий ранг майора, он тут же уладил дело и стал упрекать солдата в недисциплинированности. Но майор запротестовал:

— Нет, этот солдат абсолютно прав. Я восхищаюсь его тактом. Вы меня знаете, а он — нет; ведь для шпиона очень легко пробраться за наши линии, переодевшись в форму высшего офицера.

Перед отъездом начальник военной полиции крепко пожал солдату руку и еще раз выразил ему свое удовольствие.

Во время войны меня несколько раз арестовывали, но я всегда принимал это за неизбежные случайности игры и никогда не терял своего хорошего настроения.

Мне известен случай, который имел место в конце 1918 года. Один сержант контрразведки, очень самонадеянный, ослушался приказа молодого офицера, который велел ему остановиться, когда он переходил пустынное поле. Его застрелили. Между тем, минутного объяснения было бы достаточно для того, чтобы спасти его жизнь.

ГЛАВА XVII

КРЫЛАТЫЕ КУРЬЕРЫ РАЗВЕДКИ

Само собой разумеется, что голубями часто пользовались для шпионской работы. Каждый разведчик, спускавшийся с самолета, всегда имел при себе этих маленьких крылатых курьеров.

До войны Бельгия была питомником почтовых голубей. Когда германцы в 1914 году шли на Брюссель, бельгийская контрразведка должна была уничтожить некоторые наиболее редкие в мире породы голубей. Свыше 30 000 почтовых голубей было истреблено для того, чтобы они не попали в руки врага.

Когда началась война, был создан британский отдел почтовых голубей не только для контрразведки, но и для всех родов войск.

Англичане снабжали голубями американский экспедиционный корпус. Начав в 1917 году с нескольких английских голубей и с 12 человек обслуживающего персонала, наш отдел в период перемирия состоял из 9 офицеров, 320 солдат, 6 000 птиц и имел 50 чердаков.

В начале войны французы и бельгийцы имели замечательные отделы голубиной связи. Некоторые из этих тренированных птиц отличались выносливостью и были специально отобраны для того, чтобы летать в плохую погоду и ночью.

Следующий подвиг почтового голубя (а таких подвигов были сотни) достоин внимания с точки зрения разведки.

Один агент был спущен с самолета приблизительно за 150 миль позади фронта. Надо было добыть чрезвычайно важные сведения о германских подкреплениях. Наш агент, человек мужественный и ловкий, вызвался собрать эти сведения и доставить их во-время.

Для этой цели ему дали специального голубя с голубыми клетчатыми перьями, который должен был летать при всех условиях. Вечером того дня, когда наш разведчик был спущен, дежурный сержант отдела голубиной почты контрразведки заметил, что голубой клетчатый голубь спустился на свой чердак. К его ногам было привязано письмо, датированное 10 часами утра и содержавшее всю нужную информацию с драматическим заключением: «Только успел отпустить голубя. Я арестован. Прощайте».

Маленький пернатый герой пролетел свыше 150 миль в сырую и грозовую погоду за каких-нибудь 4 часа.

Некоторые агенты, которые спускались с самолетов на парашютах, брали с собою иногда трех голубей: двух для пере-

сылки информации и одного как последнего курьера, который возвращается в том случае, если к разведчику нужно послать самолет.

Наши агенты обычно внимательно выбирали место, чтобы укрыть своих пернатых спутников. Они взбирались на дерево и привязывали к ветке среди листьев корзину с птицами. Если сбор информации требовал много времени, то агенты взбирались по ночам на отмеченные деревья и кормили своих питомцев.

Иногда наши самолеты по заранее условленному сигналу спускали на определенном месте голубя, привязанного ремнем к маленькому парашюту. Но такой способ был очень ненадежен, так как в этих случаях птицы часто попадали в руки врага.

Я хочу здесь рассказать еще об одном подвиге.

Птицу взяли на фронт из дивизионной разведки генштаба во время упорного сражения, которое происходило по Менэнской дороге. Англичанам срочно понадобились подкрепления. От фронта до дивизионного штаба было 9 миль. Птица была выпущена с чрезвычайно важной голубеграммой, в которой просили прислать подкрепления к вечеру. Но голубь был подстрелен неприятелем. В течение всей ночи под проливным дождем и градом продолжалось сражение, в котором обе стороны проявляли одинаковое упорство. Забытый маленький пернатый курьер лежал раненый на мокрой земле. На рассвете птица кое-как собралась с силами, помчалась к своему чердаку и умерла раньше, чем успели отвязать письмо от ее лапки.

Птица свою миссию выполнила. Подкрепления были посланы и положение спасено.

Другой голубь из морского отдела голубиной почты, известный под именем «Крипс-Крест Виктории» пролетел 50 миль в 22 минуты, неся письмо с просьбой о срочной помощи.

Одно судно-тральщик подверглось нападению подводной лодки, которая выпустила в него несколько снарядов. Смертельно раненый, истекающий кровью шкипер Крипс написал последнее письмо и послал его со своим единственным голубем. Письмо было доставлено как раз во-время: два миноносца пришли на помощь, и экипаж судна был спасен.

Другая птица, по имени «Счастье пилота», пролетела 200 миль в 5 часов. У одного судна испортился мотор, море сильно волновалось. Ко всему этому появились три германских самолета, которые напали на беззащитных людей. Благодаря быстроте посланного моряками почтового голубя помощь им была послана во-время, и их жизнь была спасена.

Во время боев вокруг Вердена голубиная почта французских армий оказала им большие услуги, причем в самых тяжелых условиях.

4 июня 1916 года командир Рейноль из форта Во оказался окруженным со всех сторон.

Доставка его последнего письма является поразительным примером работы почтового голубя.

«Мы защищаемся, но на нас нападают с газами и с пламенем. Необходима срочная помощь. Подайте немедленно зрительный сигнал из Сувиля, который не отвечает на наш призыв. Это моя последняя надежда. Это мой последний голубь».

«Шер Ами», голубь-самка, пролетела 30 миль во время большого наступления американцев у Сен-Мишеля. В каких-нибудь три четверти часа были посланы на грузовиках подкрепления в американские части, которым угрожала опасность быть окруженными.

Во время войны радио также оказало неоценимые услуги. Но бывали моменты, когда оно теряло свою ценность. Тогда приходил на помощь почтовый голубь. Единственный недостаток голубиной почты заключается в том, что пернатого курьера можно подстрелить. Не будь такой возможности, эти бессловесные курьеры были бы совершенством.

ГЛАВА XVIII

ТАИНСТВЕННЫЙ ЦЕППЕЛИН И РАЗВЕДКА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Немецкий полковник Форбек был изобретательный военачальник, глубокий знаток партизанской войны и очень искусный тактик. Он имел обширные познания в области местных нравов и наречий Африки и знал районы, покрытые кустарником и болотами, не хуже местных уроженцев. Этот германский полковник, имея около 300 белокожих офицеров и 12 000 черных кадровых солдат, оказывал сопротивление 150 британским генералам, командовавшим трехсоттысячным войском, в течение всей Восточноафриканской кампании.

Наши наступающие колонны особенно жестоко терпели от внезапных атак, которые были опасны тем, что производились из-за естественных укрытий.

Германские командиры, действуя всегда в контакте друг с другом, использовали туземцев как шпионов, для того чтобы выследить наши движения и сообщить войскам Форбека о на-

шем расположении с помощью условных знаков, подаваемых с верхушек деревьев и холмов, или с помощью дымовых сигналов.

Шпионаж принял угрожающие размеры. Мы предупредили население, что шпионаж в ущерб нашим войскам, если он будет доказан, карается смертью.

Много местных уроженцев было захвачено на месте преступления нашей собственной контрразведкой и местными черными разведчиками.

Один араб причинил нам много хлопот, но в конце концов наша контрразведка поймала его.

От начала войны до июля 1915 года британские и германские военные силы в Африке вели непрерывные военные действия на обширных холмистых пространствах, покрытых кустарником.

В распоряжении Форбека находился цеппелин «Кенигсберг», спрятанный позади запруды в реке Руфиджи. Для разрушения этого источника постоянной опасности монитор «Северн», замаскированный под пловучий остров, поплыл по течению и 6 июля 1915 года прямым огнем уничтожил цеппелин.

С тех пор германцы были отрезаны от внешней помощи, и между обеими борющимися сторонами продолжалась смертельная игра в прятки. Имея продовольствие и военное снаряжение, Форбек мог бы сопротивляться годы.

Смелость Форбека дошла до того, что он прорвался на португальскую территорию (Португалия была нашим союзником) и захватил там большие запасы продовольствия, снаряжения, пулеметов и товаров, что дало ему возможность возобновить против нас борьбу с удвоенной энергией.

Радиостанции нашего адмиралтейства прислушивались к отчаянным воплям, приходившим из Берлина. «Где вы, Форбек? Где вы?» — спрашивал беспрестанно Берлин.

Мы систематически перехватывали ответы окруженного командира. Его радиোগраммы гласили: «Пришлите помощь, медикаменты, амуницию, положение серьезное».

В 1917 году наша разведка узнала, что помощь будет послана. В то время Германия не знала, что мы знаем ее шифр, — я рассказал в одной из предыдущих глав, как мы завладели ее секретными кодами.

Во всяком случае наша контрразведка должна была узнать, каким путем неприятель собирается послать помощь. В то время мы установили прочную блокаду, нигде не было ни одного германского подводного судна, кроме интернированных или же тех, которые молчаливо стояли позади своих собственных минных полей.

Возможность доставки помощи по морю была исключена. Таким образом, помощь могла притти только по воздуху.

Было получено распоряжение выделить двух агентов английской контрразведки для одного чрезвычайно важного и совершенно секретного дела. Действуя по полученным инструкциям, я поехал в Париж и встретился там с одним коллегой по имени Мортимер. Я его хорошо знал как сержанта Мортимера, и мы часто приходили в контакт друг с другом, когда работали в фронтовых районах.

Никто из нас не знал точно, в чем заключалось дело. Мы знали только, что дело в высшей степени важное и довольно опасное. Мы пробыли несколько дней в Париже в ожидании инструкций, которые, наконец, были переданы к нам в гостиницу по телефону. Нам было приказано встретить майора Икс, одетого в форму, в 7 часов вечера того же дня около Лионского вокзала.

Мы оба приехали к назначенному часу. В огромном автомобиле нас ожидал майор, один французский и один итальянский офицеры и шофер, французский солдат.

— Где место нашего назначения, майор? — спросил я.

— Вы едете в Италию, потом куда-нибудь еще. — И он улыбнулся. — Лично, Вудхолл, я не думаю, что вы годитесь для этого дела. Вы хороший малый, но вам нехватает некоторых качеств.

Я посмотрел на них. Все они улыбались. Я не имел никакого понятия о значении их слов и тоже улыбнулся.

После некоторых дополнительных инструкций майор посмотрел на свои часы и, бросив веселое слово поощрения, пожал нам руки, попрощался, и автомобиль уехал.

Я не буду останавливаться на этом путешествии. В Понтарлье на франко-итальянской границе мы простились с нашим проводником, офицером французской контрразведки, который помог нам перейти французскую военную зону.

Как только мы вступили на итальянскую территорию, наш итальянский проводник, капитан Спинелло, стал гораздо общительнее.

— Я вас поведу на свидание к одному из офицеров вашей контрразведки в Турине. От него вы получите распоряжения и инструкции, но я могу вам сказать уже теперь, что дело это опасное.

— Хорошо, расскажите, — попросил Мортимер. — Я не возражаю, Вудхолл тоже не возражает. В чем дело?

— Один из вас, — сказал офицер итальянской контрразведки, — не скажу вам, кто именно, будет в штатской одежде

спущен позади австрийских линий на парашюте. Потом вы поедете в Вену наиболее удобным для вас способом. Излишне говорить, что денег у вас будет достаточно. Существует только опасность, что вас могут разоблачить ввиду незнания вами языка. В остальном — все в порядке.

— Хорошо, — сказал я. — Но какова наша конечная задача?

— В Вене вы остановитесь в гостинице и будете ждать, когда к вам придет курьер. Вы его узнаете по условленному знаку и по паролю. Он вам передаст свою информацию. Это сотрудник американской разведки. Он работал для союзной контрразведки в Болгарии, с которой, как вы знаете, Америка не воюет. Американский агент выдает себя за болгарского купца, так как прекрасно говорит по-болгарски. Он будет иметь при себе соответствующие документы, так что его присутствие в Вене не вызовет подозрения властей. Тот из вас, которого спустят на австрийской территории, будет снабжен поддельными документами; он будет австрийским подданным и также торговцем. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы вернуться с устными сведениями о том, строят ли германцы цеппелин на болгарской территории. Если возможно, нужно будет указать назначение цеппелина, характеристику его грузоподъемности и результаты летных испытаний.

Вечером следующего дня я попрощался с Мортимером в Турине и вернулся поездом в Париж. Я не думал, что еще раз увижу когда-нибудь своего товарища, но я его увидел в Гавре. Увы, это было последним свиданием, так как он вернулся в Англию, взял свои документы, поехал на фронт и был убит в сражении примерно за неделю до заключения перемирия. Он мне рассказал конец этой истории.

После того как мой спутник Мортимер меня оставил, его привели на итальянский аэродром, переодели штатским и на рассвете спустили на парашюте позади австрийских линий.

Ему повезло. Он попал в уединенную местность, и его смелая посадка на неприятельской земле прошла незамеченной. Спрятав парашют под густыми кустами, Мортимер привел себя в порядок и направился к ближайшей большой дороге. К 8 часам утра он добрался до конечной станции местной железной дороги Броды и благополучно приехал в Вену.

В столице Австро-Венгрии Мортимер прибыл в условленную гостиницу, снял номер и стал ждать визита агента союзной контрразведки. Выполняя инструкцию, он занес в домовую книгу гостиницы условленное имя и определенное число точек,

как например: . . Борис Стражинский . . Четыре точки на одной горизонтальной линии служили сигналом о том, что он приехал.

Вечером того же дня австрийская полиция посетила гостиницу и захотела поговорить с ним в вестибюле. Мортимер думал, что его разоблачили. Но опасения его были рассеяны после того, как он предъявил свои поддельные бумаги и поговорил на чистом немецком языке.

Поздно вечером постучали к нему в дверь. Он ответил по-немецки: «войдите». В комнату вошел человек и тихо закрыл за собой дверь. Мортимер несколько насторожился. Это могло быть ловушкой, которую ему расставила австрийская разведка. Он молчал.

Гость заговорил первым:

— Вы — 325 Г, и вы приехали из Турина.

Вот этой таинственной фразы, произнесенной на немецком языке, он и ждал. Несколько колеблясь, Мортимер ответил ему тоже по-немецки:

— Я не понимаю.

Если теперь гость ответит по-немецки, то это будет доказательством того, что он агент неприятельской разведки. Но сомнения Мортимера рассеялись. Союзный разведчик знал свою реплику, так как ответил на чистом английском языке:

— Все в порядке.

Собеседники пожали друг другу руки. Они тихо разговаривали в течение двух часов, в безмолвии маленькой комнатки венской гостиницы, так как Мортимер должен был затвердить наизусть все важные сообщения.

Благодаря стараниям и влиянию нового знакомого американца, который, повидимому, имел связи в официальном мире, Мортимер скоро смог уехать из Вены в нейтральную Швейцарию и оттуда во Францию. В Париже он доложил своему начальству из союзной контрразведки о результатах секретной миссии в Вене.

Наш болгарский агент сообщил, что немцы построили супер-цеппелин Л-57 в Фридрихсгафене, но что в целях сохранения тайны цеппелин, разобранный на части, будет отправлен в Болгарию, где будет собран и пройдет испытания.

Это было в самом начале 1917 года. Этот дирижабль по своей мощности, прочности и скорости целиком оправдал ожидания экспертов. Но во время последнего испытания при сильном ветре он в последнюю минуту попал в сильный шквал и грохнулся о землю как раз в тот момент, когда маневрировал, чтобы зацепиться за причальную мачту.

Тогда никто как будто бы не знал о постройке цеппелина и о его назначении, так как германцы сожгли все остатки разбитого цеппелина.

Цеппелин был построен для того, чтобы оказать помощь войскам Форбека, окруженным в Восточной Африке. Второй супер-цеппелин, постройка которого хранилась в строжайшей тайне, был изготовлен в Стакене около Берлина.

С большим успехом цеппелин совершил пробные полеты по ущельям и горным долинам Малой Азии. Цеппелин, в котором воплотилась отчаянная попытка Германии одержать победу.

Нашей разведкой немедленно были приняты меры к тому, чтобы воспрепятствовать делу, которое могло нанести ущерб делу союзников.

16 ноября 1917 года на рассвете супер-цеппелин Л-59 под начальством командира Бокгольта вылетел из Болгарии, чтобы оказать помощь Форбеку.

Цеппелин нес груз в 50 тонн, имел пять моторов и шел со скоростью 60 миль в час. Он имел на борту около 15 000 килограммов снаряжения, винтовок, ножей для джунглей, радиоаппаратов, 6 тонн медикаментов, 25 тонн бензина, 50 пулеметов.

Корабль летел над Адриатическим морем, над Средиземным морем и Ливийской пустыней в Северной Африке, потом над долиной Нила и достиг Судана.

Прилетев в горы германской Восточной Африки, он должен был приземлиться в Маконде. Для этого один человек из экипажа должен был с парашютом прыгнуть на землю, получить причальную веревку, которую ему должны были сбросить, и помочь цеппелину спуститься на землю в подходящем месте. Неустрашимый Бокгольт крейсеровал кругом несколько часов, но не получил никакого сигнала. А в это время Форбек ворвался в португальскую Восточную Африку, не зная, что пришла, наконец, долгожданная помощь от его соотечественников!

Таковы случайности войны! Командир цеппелина был в затруднении. Приземлиться и искать Форбека в густом непроходимом лесу, в джунглях и кустарниках, не зная местности и без всякой информации, значило бы идти навстречу гибели и корабля и людей.

Но произошло событие, которое разрешило трудную задачу. Цеппелин получил из Берлина радиogramму, в которой ему было приказано вернуться, так как Форбек окружен, и надежды на его спасение потеряны. Оставалось только выпол-

нить приказ, что и было сделано. Этот полет был одним из крупнейших достижений военной техники.

Я подхожу к самой драматической части своего рассказа. Радиogramма, полученная дирижаблем, была подлинной. Но этому предшествовал ряд событий. Британцы видели, как цепелин летел высоко в 15 милях к югу от Хартума, и были начеку. Еще раз вмешались разведка и радио. Наша контрразведка точно знала расположение войск Форбека, а также момент, когда полет был прекращен.

Наша контрразведка отправила в Берлин «липовую» радиogramму, которая будто бы исходила от Форбека и в которой сообщалось, что его положение безнадежно и что помощь запоздала. Берлин принял ее за чистую монету и приказал смелому командиру цепелина вернуться.

Германия не знала, что союзной контрразведке известны ее секреты, что мы были в курсе всех ее радиogramм.

* * *

У нас из германских источников имеется отчет о числе лиц, осужденных во время войны в Германии за шпионаж. Этот список является в высшей степени характерным: 235 немцев, из них 56 эльзасцев; 46 французов; 31 голландец; 25 швейцарцев; 22 русоких; 20 бельгийцев; 13 люксембуржцев; 5 датчан; 4 австрийца; 3 англичанина; 3 итальянца; 3 шведа; 1 перуанец.

Шпионаж производили в 170 случаях в пользу Франции, в 58 случаях в пользу Англии, в 55 случаях в пользу России, в 21 случае в пользу Бельгии и в 2 случаях в пользу Италии.

Осужденные германцы помогали, главным образом, Англии, эльзасцы все без исключения помогали Франции, голландцы — исключительно Англии, швейцарцы и люксембуржцы — Франции и России.

В значительном числе случаев разведчики работали под прикрытием германской военной формы. Это видно из того факта, что в течение первых трех лет войны было осуждено на смертную казнь за незаконное ношение формы в одном только Берлине 1785 человек.

Антуан Мортимер 4 раза пробирался в Германию, 3 раза в Австрию, 2 раза в Болгарию и 1 раз в Константинополь. Я не думаю, что еще какой-нибудь разведчик может похвастать таким рекордом.

Он пробрался в Германию в первые дни войны и раскрыл

секрет Фоккера, голландского изобретателя. Фоккер изобрел приспособление для усовершенствования пулеметной стрельбы с самолетов. Благодаря этому неприятель в течение известного времени имел некоторое превосходство в воздушных боях. Однако после доклада, сделанного Мортимером союзной контрразведке, наши военные власти оказались на должной высоте и ответили немцам другим, может быть, еще лучшим изобретением.

Но с особенным блеском проявил себя Антуан Мортимер в конце 1918 года, за несколько месяцев до смерти.

Союзное командование знало, что в некоторых пунктах германского фронта не хватало резервов. Рассказы пленных и вычисления контрразведки указывали на сектор, расположенный напротив британской 4-й армии генерала Раулильсона. Но чтобы получить согласие союзного главнокомандующего Фоша на наступление, этот английский полководец должен был представить доказательства. Надо было срочно добыть факты, а для этой цели необходимо было послать в Германию дельного и храброго человека. Это специальное задание было поручено Мортимеру, так как чувствовалось, что он является одним из немногих людей, способных поехать в Германию и вернуться оттуда с определенным отчетом.

Для того чтобы в совершенстве справиться со своей задачей, Мортимер решил пробраться в Германию в форме германского пехотинца.

Последнюю свою вылазку в неприятельский тыл он совершил в конце 1918 года на самолете, одетый в форму германского офицера. Мортимера спустили где-то около Мормальского леса. С наступлением сумерек он медленно пополз к германским линиям. Вытягиваясь во всю длину своего тела, он добрался до германских колючих проволочных заграждений. Здесь Мортимер лежал в ожидании какого-нибудь изолированного патруля или отряда, устанавливающего проволочные заграждения. Спокойно и методично, с помощью режущего орудия, которое он с собою захватил, Антуан окружил себя земляным валом. В этом своеобразном окопе он лежал две ночи, но безрезультатно.

Мортимер видел, как некоторые неприятельские солдаты ползали неподалеку и даже слышал, как они шептались между собой охрипшими голосами. Один приблизился к нему на расстояние почти пяти метров, но повернул и пополз в сторону, передвигаясь на руках и коленях.

Но на третью ночь, когда Мортимер продолжал разыгрывать роль паука, поджидающего в своей паутине муху, без-

молвие было внезапно нарушено. Вдруг на него упали ослепительные лучи германского прожектора и почти в тот же момент упал снаряд большого калибра, от удара свалился мешок с песком, а за ним в бессознательном состоянии упал один немец. Прожектор еще играл на нем. Мортимер лежал, вытянувшись, как стрела. Он знал, что от выдержки и спокойствия зависит его жизнь. Еще одна секунда, и участь его решится. Если неприятель его заметил, то Мортимер получит в свое тело пулеметную очередь. Яркие, ослепительные лучи прожектора удалились, и кругом стало темно, как раньше. Мортимеру, как он мне потом говорил, несомненно, спасло жизнь то, что он из предосторожности вымазал себе лицо в черный цвет. В противном случае его заметили бы немцы, управлявшие прожектором. Я полагаю, что они увидели, как упал их солдат, и, повидимому, решили что он укрывается от неприятеля.

Мортимер поволок своего пленника, находившегося в бессознательном состоянии, к британским окопам. Когда пленник пришел в себя, он дал сведения о своей воинской части, а также сообщил названия и численность других полков, расположенных по соседству с его полком. А это Мортимеру и нужно было узнать.

По росту и телосложению немец и англичанин были похожи друг на друга, но этим и ограничивалось их сходство. Мортимер был гладко выбрит и хорош собой. У немца же был плоский нос, крупные черты лица, он был бородат и форменным образом безобразен. Тем не менее Мортимер снял с него германскую форму и протянул ему костюм хаки и пальто. Одновременно он взял у оторопевшего пленного все его бумаги, в том числе военную книжку и матрикул. Через некоторое время Мортимер стал неузнаваем. Он превратился в германского пехотинца, для того чтобы иметь возможность перебраться за германские линии.

Уладив все со своим коллегой и оставив пленного на его попечении, Мортимер покинул убежище и, прижав угрожающе палец к губам, попрощался с двумя солдатами, стоявшими в ту ночь в карауле.

Один из них так передал свои впечатления об этой звездной августовской ночи 1918 года:

«Я наблюдал, насколько позволяли глаза, как Мортимер полз в темноте. Потом я заметил, как луч прожектора обошел вокруг смельчака и обнял его своим ярким сиянием. Я видел сигнал, который он подал германским окопам. Затем стало очень темно, и я его потерял из виду. Во время войны я видел подвиги многих храбрецов, но никогда не присутство-

вал при более смелом и более хладнокровно совершенном подвиге. Для нас, которые наблюдали и которые знали, этот человек «заигрывал со смертью».

После этого Мортимеру предстояло пробраться сквозь прополочные заграждения и по взрытой снарядами земле меж-окопной зоны притти к одному пункту, расположенному на полмили дальше. От пленного немца он узнал, что в половине десятого какой-то полк, жестоко пострадавший после недавнего кровопролитного сражения, был сменен свежим батальоном. Благодаря темноте и общему смятению, вызванному сменой, переодетый англичанин прошел, не услышав оклика и не встретив препятствия. Кроме того, он узнал, что у немцев многие части перемешались из-за отсутствия постоянной организованной связи. Поэтому он решил рискнуть пробраться в тыл.

Следуя за толпой германских солдат вдоль незаконченного, наскоро вырытого рва, он очутился на дороге, где собирался полк. Когда он стоял в темноте, к нему подошел офицер и спросил, почему он очутился в этом особом батальоне, тогда как принадлежит к другой части.

— Я оказался отрезанным во время сражения и вернулся в первый попавшийся укрепленный германский окоп, — ответил Мортимер.

Офицер спросил, как его зовут и в каком полку он служит, направляя ему прямо в лицо лучи переносного электрического фонаря. Мортимер на несколько секунд был ослеплен. Приказав Мортимеру, чтобы он доложил о прибытии своему унтер-офицеру, когда они придут к месту назначения, офицер ушел, и полк медленно двинулся в путь.

Незаметно Мортимер вышел из рядов и стал ждать на тихой и пустынной дороге, чтобы та часть, к которой он пристал, скрылась в темноте. Потом он быстро направился в деревню, где хотел остаться на ночь и выспаться.

В этом естественном стремлении его поощряло сознание того, что в одном маленьком кафе в 15 милях от нашего фронта он имел друзей. Его знакомыми были один француз и его дочь Маделэн.

Впрочем, он доверял своей германской форме и своему знанию немецкого языка и не опасался возбудить подозрение. К полуночи он нашел цель своего ночного путешествия и, подбравшись ползком к задней половине дома, слегка постучал в затворенную оконную ставню. В щели ставен появился свет, и мягкий голос осторожно спросил по-французски: «Кто стучит?»

Мортимер ответил тоже по-французски, произнеся магический пароль.

Осторожно, медленно и бесшумно перед ним открылась дверь, и через несколько секунд он очутился в доме друзей. Мортимер жадно прислушивался ко всякому слову, которое произносилось его собеседниками. Он узнал, что моральное состояние германских войск в высшей степени низкое. Германцы пока еще храбро дерутся, но у них больше нет «воли выиграть войну». Бесперывные успехи союзников вселяли в сердца немцев черное отчаяние. Пайки были скудные, укрепления по всему их фронту слабые.

Мортимер узнал, что было еще важнее, что немцы получили распоряжение в случае усиленного натиска союзников отступить к Бапому, Перонну, Гену, к Сомме. Это было 6 августа 1918 года.

Мортимер знал, что если он будет арестован как разведчик, то германцы его расстреляют на месте. В те суровые дни положение было слишком критическим, чтобы пытаться счастье.

Ему было ясно, что 2-я, 18-я и 19-я германские армии готовы и ожидают наступления союзников, но их укрепления слабы. Он смешался с толпой солдат, которых держали в непосредственном местном резерве, и ото всех слышал одну и ту же меланхолическую жалобу: — Кому это нужно? Все наши «великие наступления» окончились неудачей. С марта мы сражаемся непрерывно, но и теперь не ближе к Парижу, чем в 1914 году. Пайки малы, мы истощены от недоедания. Кому это нужно?

Мортимер не мог не заметить, что моральный дух этого некогда мощного военного организма сломен. Разгром должен был скоро начаться.

Теперь Мортимеру надо было вернуться со своей информацией. Мортимер должен был принять все меры предосторожности, несмотря на свою германскую форму. Он прекрасно знал, что германская тайная полиция усиленно ищет союзных разведчиков, и с этим должен был серьезно считаться. Малейший ложный шаг с его стороны стоил бы ему жизни. Но даже и в этом случае самое страшное для него было в том, что наша контрразведка будет лишена той ценной информации, которую он собрал.

Мортимер договорился с Маделэн о том, что она будет ждать у двери кафе от половины восьмого вечера до наступления ночи. Ему надо было пройти посреди улицы. Если на волосах у нее не будет никакой ленты, — значит, положение спасено. Если же на ней будет красная лента, — значит, угро-

жает опасность. Во втором случае он должен уйти и предоставить следующее свидание судьбе.

Идя по маленькой мощеной улице, Мортимер увидел Маделэн. Она стояла у дверей, разговаривая и смеясь с тремя немцами. В свою густую черную шевелюру она вплела красную ленту. Быстрый взгляд на пыльные мотоциклы и шинели солдат убедил Мортимера в том, что он видит работников германской тайной военной полиции. Они рассматривали бумаги всех немецких солдат, приезжавших и уезжавших из этой деревни. Но возвращаться было поздно. Надо было идти до конца.

Когда он поравнялся с этой тройкой солдат, один из них подошел к нему. — Предъявите свои документы. Среди нас есть шпион, переодетый в форму отечества.

— Откуда вы знаете? — как бы невзначай спросил Мортимер.

— Капитан Гольц встретил прошлой ночью одного странного солдата и приказал ему доложить о себе, когда они вернутся в резерв. Но на переключке этого солдата не оказалось. Это, может быть, какой-нибудь дезертир, но наша контрразведка не хочет рисковать, так как это может быть и союзный шпион.

Немец колебался одну минуту, подозрительно разглядывая Мортимера.

— Странно, что у вас номер этой особой комплектной дивизии. Кто ваш командир?

— Князь Рупрехт.

— Нет, — огрызнулся немец, — я имею в виду вашего полкового командира.

Мортимер назвал имя, которое он узнал от пленного.

— Но ведь он в резерве, почти в пяти милях отсюда. Что вы тут делаете, вдаль от своей части? Пропуск у вас есть?

Английский разведчик смотрел через плечо солдат. Он увидел белое, искаженное ужасом лицо Маделэн. Она поняла, в каком опасном положении находится ее возлюбленный. Позади нее он мельком уловил измученное лицо ее отца. О чем они могли думать в этот критический момент? А Мортимер ни одним взглядом, ни одним движением не выдал своих чувств, не выдал того, что он с ними знаком. Возможно, что пришел его последний час. В одно мгновение его маска может быть сорвана, и тогда его расстреляют как союзного разведчика.

Старший, который допрашивал английского разведчика, послал одного из полицейских агентов просить капитана Гольца

притти немедленно в штаб, а другому поручил попытаться заставить командира предполагаемого полка Мортимера.

— Я оставляю здесь машину и пойду с вами. Имеете ли вы при себе какое-нибудь оружие?

Германский полицейский агент основательно его обыскал, приказав двум солдатам направить на задержанного винтовки. Он ничего не нашел при английском разведчике, кроме военной книжки, взятой у германского пленного. Он ее забрал.

— Если вы тот, который значится в этой книжке, дело будет в порядке. Если же нет, тем хуже для вас. Давай двигай! Нам нужно пройти около трех миль, а наступает уже вечер.

Мортимер живо сообразил.

— Разрешите мне пойти напиться. У меня страшная жажда.

— Нет.

— Попросите тогда эту француженку, чтобы она мне принесла попить.

— Нет.

— Идите к чорту, а я пойду напиться, — и англичанин стремительно помчался в сторону кафе.

— Живо! — Маделэн протянула ему автоматический револьвер, который, как он знал, она спрятала в своей блузе. Это было сделано достаточно проворно, так как не успел Мортимер сунуть револьвер в карман, как немец набросился на него, направив в упор дуло револьвера.

— Еще одно движение, и я вас застрелю.

— Убейте меня, если хотите, и когда вам угодно, но я напьюсь.

Немец опустил револьвер. Кто знает, возможно, он думал, что задержанный им человек будет пить последний раз в жизни. Он смягчился. Маделэн подала Мортимеру целый стакан белого вина, которое он выпил до последней капли и протянул стакан, чтобы ему налили вина еще. Но в это время немец вдруг рассердился, вырвал стакан и бросил его на пол.

— Пошли! — сказал он и грубо ткнул револьвер Мортимеру в пояс.

— Пошли!

— До свидания, мадмуазель! Мы еще увидимся.

Немец, очевидно, принял эту реплику за шутку или за браваду.

Во всяком случае он не придавал значения этому замечанию и лишь твердил:

— Пошли!

В тот момент, когда они уходили из кафе, вернулся

агент, посланный для того, чтобы найти капитана Гольца. Капитан ждал в штабе. Скорей!

Было темно. Оставив свой мотоцикл около мотоцикла начальника, агент встал по правую сторону Мортимера. Так они безмолвно шли по дороге, ведущей к разоблачению Мортимера и его гибели.

Направо англичанин мог видеть верейские огни, которые светили со стороны фронта.

Теперь или никогда! Еще немного, и будет слишком поздно, чтобы всем рискнуть. Мортимер был человеком действия.

С быстротою молнии он нанес дулом своего револьвера мастерский глухой удар конвоиру, который тут же свалился, перекувырнулся, захрипел и затих.

Второй конвойр, опомнившись от неожиданности случившегося, прицелился в Мортимера, но тот повернулся и побежал открытым полем по зигзагообразной линии, по направлению к озаренному горизонту.

Германский полицейский агент был, однако, упорен. Он стал преследовать Мортимера и открыл стрельбу.

Англичанин понял, что лучше положить конец этому. Он не любил лишать людей жизни, но на войне как на войне! Его жизнь или жизнь немца? Мортимер был искусным стрелком. Он повернулся к немцу лицом, взял твердый прицел, выстрелил, и преследователь повалился. Мортимер подошел к лежащему человеку, держа в руке револьвер наготове, и убедился, что выстрел попал в цель. Человек лежал без движения. Мортимер перевернул тело и увидел, что немец мертв.

В самой гуще войск германского фронта можно было не опасаться разоблачения. Пристав к отряду, устанавливавшему проволочные заграждения, он скоро очутился на открытом пространстве между германскими и нашими линиями.

В то время германские солдаты часто перебегали на нашу сторону. Мы к этому стали привыкать. И поэтому, когда Мортимер «сдался», никто не обратил на это особого внимания.

Перебежчика отвезли на автомобиле под конвоем в генеральный штаб. Его скоро отпустили, и британская контрразведка не замедлила получить всю доставленную им информацию.

В то утро, на рассвете, вся британская 4-я армия тронулась в поход. В течение трех дней она все сметала на своем пути. Знаменитая линия Гинденбурга была также разгромлена. Фактически 8 августа начался полный разгром старой императорской германской армии.
